

История, которой нет

Конкурс КЛФ «Контакт»

Новокузнецк
2017

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

История, которой нет

Конкурс КЛФ «Контакт»

Составитель – Калашников Н.Н.

Новокузнецк
2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
И 90

История, которой нет : конкурс КЛФ «Контакт» ; составитель – Калашников Н.Н. ; Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2017. – 56 с. : ил.

Авторы конкурса «История, которой нет»

1. «Интервью» – Подзоров Павел Сергеевич, г. Бобруйск, Беларусь.
2. «Трилогия Три правды» – Ольга Евгеньевна Горина, Новокузнецк.
3. «Сны Иситы» – Инна Ким, Новокузнецк.
4. «Север мечты» – Прилуков Константин Вячеславович, Новокузнецк.
5. «Хороший человек» – Маргарита Ланина, Новокузнецк.
6. «Лифт на Роднарусь отходит по средам» – Семёнов Дмитрий Александрович, Новокузнецк.
7. «Во снах я жил, как в параллельном мире» – Карл Шульгин, г. Санкт-Петербург.
8. «Однажды в Валахии» – Марита Зотова, г. Санкт-Петербург.
9. «Инопланетяне и земляне» – ЕКО (Е. Кириенко), Новокузнецк.

Общий результат жюри

- 1 место** – рассказ № 3 «Сны Иситы» – 15 баллов (2 первых места, 1 третье место, 1 четвертое место)
- 2 место** – рассказ № 8 «Однажды в Валахии» – 14 баллов (3 вторых места, 1 четвертое)
- 3 место** – рассказ № 5 «Хороший человек» – 13 баллов (1 второе место, 3 третьих места)
- 4 место** – рассказ № 6 «Лифт на Роднарусь отходит по средам» – 12 баллов (2 первых места, 2 пятых места)
- 5 место** – рассказ № 1 «Интервью» – 6 баллов (2 четвертых места, 2 пятых места)

Итоги читательского голосования

Первое место занял рассказ «Лифт на Роднарусь отходит по средам»

Сны Иситы

Я теперь каждое утро просыпаюсь на маленьком холме, поднимшемся первым из туманных вод, точно обросшем короткой шёрсткой-травой, от чего он ужасно похож на ласковую собаку, живущую в большом доме... Но что такое дом и что такое собака? Это для меня необъяснимо. И всё-таки я откуда-то знаю, что у собак бывают мокрые холодные носы, и глаза русалок, и отважная, ни у кого не встречающаяся преданность, а их тела – это лень и стремительность, всё вместе. Они очень смешно выпрашивают ласку и еду, требовательно утыкаясь этими своими невообразимыми носами в твои голые колени. А дом – это то, что ты нашёл, подобрал, создал или украл... и спрятал, чтобы спрятаться там самому.

Я поглаживаю пальцами тёплую шершавую хрупкость, закрученную чёрной спиралью. Всё, что я понимаю о доме, – эта бесхитростная ракушка, которую принёс океан, волнующийся от близости трёх поющих лун. Я сижу на песке и перебираю ракушки – чёрные, розовые и жёлтые, с чёрточками, точками и линиями, похожими на странно знакомое мне письмо. Я пытаюсь его прочесть, но оно ещё не придумано. Спрятавшиеся внутри аммониты бархатно касаются моей руки... Я и сама – точно такой же моллюск, а этот перламутрово-лиловый мир вокруг – моя ракушка-время, бесконечно начинающаяся, заканчивающаяся и снова начинающаяся в сокрытом пространстве Амона-Амонет.

Мне становится скучно – это усталость, когда было слишком много ликующих песен и солнца, качающегося в бликующем бархате океана, когда ты одна на берегу, и близится вечер, ничем не отличимый от вчерашнего, когда все твои создания, как тёплый ветер, как расплывающийся сквозь мокрые ресницы свет, как воспоминания, которые никак не вспомнить, и так будет каждый день... Я вглядываюсь в толщу воды, пока не появляется резь в глазах, но там ничего нет, кроме кольхания фиолетовых зарослей в тёмном тумане. Плеск волны выносит ко мне на колени ещё одну ракушку.

Я ощущаю это в себе – сгусток печали и гнева, затопивший меня липкой слизью, не имеющий даже формы, только кислый запах начинающейся грозы. Я вытаскиваю его изнутри, бросив умирать среди пылающих звёзд. А когда мир тёплых облаков и поющих синих деревьев, созданных моей нежностью, накрывает гигантская тень огня, я понимаю, что это снова вернулось, и в потоке яростного пламени, тоже являющегося частью меня, сгорит всё, что я люблю, чтобы появилось то, что я опять полюблю... и потеряю.

Шипел, испаряясь, вставший до самых звёзд кипящий океан, и это длилось несколько страшных мгновений, пока по обнажившемуся

пустому дну не полетел огненный ветер, но и он быстро стих, потому что всё – воздух, растения, животные, волнистые холмы, мягко штрихующие горизонт розовым туманом, и этот туман – сорвалось с поверхности прекрасной Себа Джа и исчезло, став ничем, оставив мир безжизненным, раскатынным, беспомощно-голым.

Только страшно, по ту сторону звука, шелестел невыносимый, неслышимый плач. Мир, который я создала и погубила, жалобно перечислял свои утраты – все рассветы и закаты, каждого из серебристо-сиреневых зверьков с ласковой короткой шерсткой, тепло и сонно прижавшегося к матери, цветы и деревья, радужных рыб и танцующих в небе птиц, горы и волны, чёрные ракушки и голубые луны – всё, что ликующе пело просто от того, что живёт, то, что было прекраснее всего на свете... Это плакали души Себа Джа, давшие мне часть себя и – не умершие! – уснувшие, чтобы никогда не проснуться.

И тогда солнце взошло на западе, а зашло на востоке, но это длилось так долго, что оно успело устать. От этого родился невыносимый шквал солнечного ветра, поднявший живой океан другого мира, и я поймала его белоснежными крыльями, чтобы оказаться там... На прощанье я укутала ту, что была мне колыбелью и домом, густыми, лиловыми, сумеречными облаками, чтобы укрыть свою опустевшую ракушку, чтобы защитить её одиночество и тайны, и печаль щемящих воспоминаний... о будущем, которое могло бы быть совсем иным.

Я знала, что не вернусь... и не забуду этот мир таким, каким он был... Я помнила, что там, где океан, отступив, уже обнажает землю, он будет воссоздан – моя Себа Джа, моя Па Нечер Дуауи, и три её лунных святилища – во славу мне, научившей любить и страдать... Я ступила на влажный берег рассветно-голубой реки, в которой качалось бледнеющее отражение Утренней звезды и на высоких тонких ногах бродили сонные цапли с таким же оперением, как у меня. Солнце уже поднималось.

Среди лотосов, тихо дышащих свежей влагой, приоткрыв беспомощный рот, на чёрном облаке разметавшихся волос, спало удивительное существо, и его нежное лицо смутно напоминало мне моё. Я наклонилась над ним, так что ощутила исходящий от него тёплый аромат – лотосов, реки, сна и того, чем пахнут живые существа, находящиеся между детством и неудержимо начинающимся взрослением. Мне понравился этот запах, и это лицо, в котором я увидела себя, длинная линия шеи, мягкая – плеч и груди, руки под щекой, гладкие, блестящие волосы, тонкое белое платье... Девочка – вот, как это называется... Я наклонилась ещё ниже, и, почувствовав моё присутствие, она пошевелилась и вздохнула.

Я скользнула по её дыханию, как по серебряной ниточке дождя, и, заполнив всё внутри, заставила девочку проснуться. Она – это я! – открыла глаза, жмурясь от поднявшегося солнца, ошеломлённо-растерянню, как всегда бывает со сна, и замерла, точно встревоженный котёнок, услышав женские голоса. Это были няньки. Они шли по берегу и

недовольно кричали: «Си-и-та... И-си-и-та!». Я вспомнила, что это моё имя, но отзыватья совсем не хотелось – ведь я опять убежала без спросу, чтобы смотреть на Утреннюю звезду, и не заметила, как заснула.

Сута снова станет меня дразнить глупой цаплей, а я, разъярённая, брошусь на него, и мы окажемся на земле, пытаюсь перебороть один другого. Иногда побеждаю я, иногда он, потому что мы оба мухвана – близнецы, похожие, как две капли воды, и хотя я девочка, но всё равно ничуть не уступаю ему в силе и гневе. Нас может примирить только Аусира. У него серо-голубые глаза, какой бывает река на рассвете, мягкие золотистые волосы и прозрачно-белая кожа, как у женщины, которая ушла во тьму, когда мы с Сутой, толкаясь, родились, разорвав её изнутри, и Аусиру вынули уже из мёртвой матери.

Он не кричал и не плакал, и его рыжая голова была красной от крови, которая вытекла из умершей от родов отцовской рабыни, взятой из народа, пришедшего с севера, и никто не думал, что это дитя сможет выжить – таким оно было слабым... и странным... Я родилась девочкой, мой мухвана – мальчиком, а Аусира был и девочкой, и мальчиком одновременно и походил на речного лягушонка с большой головой, маленьким хрупким тельцем, вздутым животом и слишком широким ртом, который будто смеялся. Но давший нам жизнь, глядя на него, видел ту, что стала тьмой, и позвал старуху, тоже из северных людей, умевшую колдовать, а она назвала нашего брата-сестру именем Аусира, в котором был скрыт тайный знак жизненной силы, отгоняющий смерть.

Я и Сута были как отражения: чёрные, дикие, с огнём в глазах, драчливые, как два тростниковых кота, но каждый хотел оказаться первым во всём, и мы вечно спорили, чей бумеранг быстнее... и кто сядет у ног отца, а он выбирал Аусиру – слабого и ласкового, золотоволосого... Его любила даже Нут, хотя ей не нравилась северная рабыня, укравшая у неё мужа, и мы, её дети, но Аусиру, только рождённого, страшенького, с мутными голубыми глазками, она взяла к себе в постель, гладила и целовала, согревая своим теплом, нежно пела ему и давала сосать льняную тряпицу, смоченную в тёплом коровьем молоке. Она стала матерью Аусиры и вместе со старой колдуньей вырвала это странное дитя у тьмы, кроме которой ничего нет.

Нут говорила, что Аусира – это божество, которое пришло с неба, и оно не такое, как другие люди, а может быть – кем захочет. Она разрисовывала и украшала Аусиру, как это делают у нас с фигурками богов, а он только терпеливо улыбался, но когда Мать тысячи душ уходила, он сразу же искал меня или брата, чтобы поиграть. Пока мы с мухваной бегали и боролись, он всё время сидел, потому что у него с рождения болели ноги и останавливалось дыхание, глядя с такой беспомощной, нежной улыбкой, что замирало сердце, и я думала, будто он, и правда, божество... или мама, чья душа вернулась, чтобы я не чувствовала себя одинокой.

Старшей женой отца была Нут, и ей подчинялись все младшие, её сёстры и дочери, тоже бывшие его жёнами, и все женщины других мужчин, которых он привёл в речную долину, где оказалось много животных и птиц, и пахнувшей илом серебристой рыбы, чтобы нас прокормить. Это произошло, когда он убил её мужа, который оказался слишком старым и слабым, чтобы защитить своих жён и людей, чтобы победить молодость и силу своего сына Геба... Все, кто там был, сказали, что это хорошая, быстрая смерть – старик с перерезанным горлом, не мучаясь, вернулся к великой матери-тьме, точно уснул, чтобы проснуться на её ласковых коленях.

Став первым среди них, отец повёл мужчин на народ с севера, откуда взял рабов... и нашу мать, и всё, что они имели: платья из тонкого льна и невиданного, густого, переливающегося меха, сосуды для пищи, которые не боялись огня, сверкающие на солнце украшения, фигурки странных, прекрасных божеств, еду и вино, их свободу, жизнь и смерть, удивительные каменные дома и старуху, знавшую язык богов... Увидев, что эти вещи красивы, а в долине можно охотиться, он остался там и полюбил рабыню с нежным белым телом и печальным лицом, хотя и сказал воинам, чтобы они вернулись за ждущими мужчин детьми и женщинами.

Я, Исига, мой мухвана Сута и Аусира – полудевочка, полумальчик, получеловек, полулягушонок, полубог – родились у широкой голубой реки, на высоком уступе, склонившемся над самой долиной, которая была слишком влажной и опасной из-за прячущихся в зарослях диких зверей и разливов, но она давала нам всё, что нужно, и надежду, что это никогда не закончится, и люди скоро забыли, что такое голод, болезни и страх. С сетью для рыбы мог справиться даже ребёнок. Молодые мужчины выслеживали ослиц, антилоп, страусов, газелей, свиней и жирафов, обходя стороной слонов и бегемотов, потому что кремниевые стрелы и деревянные бумеранги с орнаментом из ямок, отскакивая от толстых шкур этих гигантских зверей, вызывали у них лишь кровожадную ярость, и жёны оплакивали мужей, растоптанных в месиво из костей и мяса.

Женщины пекли лепёшки и варили кашу из золотых зёрен, собранных на берегу, выросших из чёрного тёплого ила. Колдунья с севера сказала, что надо всегда оставлять немного, чтобы бросить в землю после речного разлива, и тогда осенью здесь вырастут новые зёрна. Она научила женщин, как шить одежду из тонкой ткани, переложенной лепестками речных лотосов, привезённой её народом из далёких мест, по которым она всё ещё тосковала. Эти платья были удобнее и приятнее, чем шкуры, и в них не водились насекомые.

Там, где сейчас только сожжённые солнцем, жаркие, ветреные, печально-пустые пространства, колыхалась высокими мягкими волнами густая трава, росли деревья, а львы и леопарды гоняли пугливые неиссякаемые стада. Река нежно сияла – то в свете солнца, то в тених, которые набрасывали сети луны и звёзд... и Утренней звезды, чьи появления на закате и исчезновения после рассвета рождали во мне неизъяснимую,

тревожную грусть. Это сияние было как письма, непонятно кем и зачем начертанные... для меня, и я всё пыталась их прочесть, пока не начинали слипаться глаза: я часто засыпала на берегу, под шум бегущей воды, и видела странные сны, в которых была совсем другой.

Люди были сыты, и у них оставалось много времени, чтобы смотреть на ночное небо, сужавшееся над огнём, и молиться богине тьмы, дающей жизнь, чтобы делать её фигурки и ещё сосуды из красной глины, примешивая к ним траву и толчёные речные ракушки, чтобы плести корзины и циновки и украшать свои жилища причудливыми орнаментами. Мужчины, женщины и дети носили ожерелья, пояса и повязки из бус и раковин, кольца и браслеты из слоновой кости, они обводили глаза полосками краски из толчёного малахита, смешанного с маслом, а в длинные вьющиеся волосы втыкали красивые гребни.

Старики умирали, и их хоронили, уложив как спящих, чтобы в чертогах милосердной тьмы они смогли открыть глаза. Но детей рождалось больше, и тогда наш отец Геб брал мужчин, чтобы нападать на людей, живших в долине, где прозрачно-голубая река становилась мутно-зелёной или почти белой, даже красной и чёрной... Они ему все покорились, потому что были против него, как антилопы против льва, как рабы против царя и как дети против отца.

Теперь огромная долина принадлежала нам и ещё соседние с ней земли, откуда привозили базальт для каменных сосудов, слоновую кость и диковинные чёрные ракушки, закрученные спиралью, бирюзу, малахит и медь, и боязливых желтоглазых животных, овец и коз, которые жили в постройках рядом с нашими домами, чтобы женщины брали у них молоко и шерсть. Мы с Аусирой играли с их маленькими и тёплыми детёнышами, которые глядели с покорной нежностью и тыкались в руки доверчивыми влажными мордочками... Слабый запах и довольные звуки, который они издавали, напоминали мне что-то знакомое, ласковое, щемящее, то ли бывшее, то ли только приснившееся.

Я всё реже видела Суту... Мой мухвана сильно изменился: он стал мужчиной. Он теперь охотился и уходил в другие земли вместе с отцом, а я оставалась с няньками, сёстрами и дочерьми Нут, которые разговаривали с Сутой, низко опустив голову, хотя раньше, как и меня, часто били его за непослушание. Но когда мы виделись, он по-прежнему смеялся, что я глупая цапля, и мы боролись, катаясь по земле, а остановить нас мог только Аусира, всё время бывший как ребёнок, даже несколько не выросший, похожий на лягушонка, на беспомощного и нежного детёныша овцы... и ещё на странного серебристого зверька из моих снов.

Я знала, что Сута борется со мной вполсилы, но всё моё тело болело от его побоев, хотя я ни за что не попросила бы о пощаде. Наши тела изменились. Но мы были мухвана – с одной душой на двоих, с одинаковыми глазами, яростью, гневом... и жаждой, потому что такими родились.

Я точно слабела с каждой луной, пока из меня впервые не потекла кровь, и, странно, от этого я стала... сильной... сильнее Суты, который меня уже не дразнил и не бил, только странно глядел, будто хотел погладить. Однажды он принёс мне связку бус, переливающихся, точно свет Утренней звезды, когда смотришь на неё сквозь мокрые от ветра и слёз ресницы. Он снял их с тела взрослого мужчины, огромного и сильного, как слон, когда перерезал ему горло, потому что тот насмеялся над Аусирой и говорил, что он никакой не бог.

Когда этот человек сказал свою ложь, в Суту будто вселилась сама тьма: он бросил лучшего отцовского воина на землю, словно ребёнка, и в руке мухваны блеснул нож... Я бы тоже его убила за эти слова... тысячу раз! Ведь Аусира, и правда, не был человеческим существом – он тогда безутешно, будто о себе, плакал вместе с женщинами, которые готовили убитого к встрече с великой матерью, а отец сказал, что они все стали жёнами Суты, и чтобы мой брат заботился о них.

Я кинула подарок Суты под ноги и рассмеялась ему в глаза, загоревшиеся нестерпимым гневом, уже зная, что победила мухвану, что теперь он как слабый овечий детёныш в лапах львицы и сделает всё, что я захочу... Эти бусы взяла себе Таурт – толстая, гладкая, красивая, точно бегемотиха, женщина того, кому Сута перерезал горло. Она была единственной, кто не плакал, обмывая и наряжая тело, потому что она всё время смотрела на Суту, и её чёрные, влажные, бархатные глаза наполнялись чем-то странным, блестящим, будто сияющим туманом, который встаёт над рекой по утрам.

Таурт называли у нас Матерью, которая видит рассвет, хотя она родилась позже меня на четыре луны и ещё не была с мужчиной, но она помогала женщинам в родах, и они постоянно приносили ей то горшок каши, то жареную баранью ногу, а она отдавала всё Суте. Когда он пускал её к себе, она чуть ли не подпрыгивала и не визжала, как собака, которую приласкал хозяин, и побитая, забивалась в шкуры, когда он бывал не в духе... Сута не был злым – просто он был мой. А глупая Таурт этого не понимала.

Я видела, как на неё смотрят другие мужчины: Таурт вызывала у них желание. А я была некрасивой – худой, слишком чёрной, чернее всех, с дикими глазами, высокой и угловатой, как мальчик. Дитя, идущее по земле... Так меня звали. Никто из мужчин не говорил отцу, что хочет взять Иситу в жёны. Я была неловкой во всех женских делах. Если варила кашу, то она подгорала. Если чинила платье, то только его портила, так что потом всё равно приходилось выбрасывать. Ничего не умела, как надо. Дети боялись, когда Нут говорила, чтобы я с ними нянчилась... Тогда я убегала на реку и, лёжа на спине, смотрела в небо: как проплывают облака, точно дивные гигантские фигуры каких-то неведомых божеств, как встаёт Утренняя звезда сквозь закатные розовые сумерки, и мои глаза наполнялись слезами, будто я чувствовала и тяжесть, и лёгкость сразу.

Утром, когда я возвращалась и снова что-нибудь портила, Нут сердилась, а женщины смеялись, и Таурт тоже. Но я знала, что мой мухвана хотел не её, а меня, и Видящая рассвет это знала, поэтому и злилась, хотя она была доброй, и с детьми, которых она принимала, никогда не происходило ничего плохого. Она и нашим животным помогала, если у них что-то шло не так, и детёныш не мог появиться на свет. За ней вечно бегали дети, овцы и козы. Я же обычно бродила в одиночестве.

Вот так я и прибилась к такой же неприкаянной душе, как моя... Её считали колдуньей, потому что она умела говорить на языке богов и лечила людей травами, собранными на берегу, когда светила луна. Она была из северного народа, который первым в речной долине покорился отцу, и эти женщины и мужчины, белые, синеглазые, с золотыми волосами, оставшиеся жить с нами, как рабы, казались всем странными, чуждыми, отталкивающими, но одновременно удивительно притягательными. Они не понимали человеческой речи, кроме старухи, и когда это становилось необходимым, мы общались жестами.

Среди них были лишь взрослые, намного разливов старше меня. Те, что пришли с севера, не могли иметь детей, а может, не хотели – ещё когда я была маленькой, няньки шептались, что у колдуньи есть травки, которыми можно убить дитя... Но кто бы такое сделал? Некоторые наши мужчины, как и отец, брали себе их женщин, но родила одна только мама... и умерла. Наверное, другие боялись, что это произойдёт и с ними... Но пока река разливалась десять раз, а столько я прожила, они почти все умерли – только старуха осталась.

Я спросила, почему умирают её люди, хотя их никто не бьёт, и у них есть хорошая еда. Она сказала, что это тоска, потому что они не могут быть рабами, а сопротивляться нет силы и даже желания... потому что они ушли с севера, где было много радости и много детей, а здесь ничего нет... потому что тени золотоволосых мальчиков и девочек остались там, где холодно и одиноко, и сердца мужчин и женщин всё время плачут по ним.

Я спросила, почему тогда не умирает она, и старуха, погладив мою голову, улыбнулась... Я спросила, почему они все пришли в эту долину, бросив своих северных богов, и что же случилось с их детьми, но она промолчала... Мы часто молчали вместе, хотя она знала нашу речь... и научила меня своей.

Язык народа с севера был лёгким, быстрым, серебристым, точно шум воды, но не так, как шумит река, широко разливаясь в чёрной долине, когда кажется, что она ревёт и бесится от жадности проглотить всё вокруг, или струясь, утихая, бликуя, когда приходит зной, а будто эту воду можно перейти в четыре шага, всего лишь намочив снизу платье, и она течёт по узорчатым разноцветным камням, в солнечно-зелёном мире огромных деревьев, какой я никогда и не видела. Его слова можно петь – они тянутся, как прозрачный мёд, в котором живёт солнце. Я произношу их, зажмурившись, подставляя лицо и тело мерцающему звёздному свету... Я

танцюю: они, как нежная, завораживающая музыка, от которой щемит сердце.

Старуха любит смотреть, как я танцую... Она говорит, что я её царевна, змейка, Небетхет, что я Госпожа с неба, взявшая женское тело. Я удивляюсь, как это возможно, а она смеётся, что я тоже меняю платье, когда оно замарается или надоест, и её слова почему-то странно меня тревожат.

Кто-нибудь из мужчин оставляет у тростниковой хижины, где живёт колдунья, пойманную птицу или целую ногу антилопы, женщины чинят ей одежду, приносят свежую похлёбку, молоко, орехи и мёд, чтобы она пришла со своими снадобьями и заклинаниями, когда у кого-то от еды прихватит живот или животные окажутся слишком сильными и поранят охотника. Она осталась одна из северного народа, и те, кто родился позже меня, уже не помнят, какими они были странными... и красивыми. Дети думают, что все они были, как старуха: высокие, белые, худые, страшные... Наверное, когда-то давно у неё тоже были такие же глаза и волосы, как у мамы, которую я никогда не видела, по которой так тосковала, о которой мне хотелось хоть что-то узнать.

Теперь я всё время нахожусь у старухи – даже не ухожу домой, где только мешаю. Она рассказывает, какие травы и корешки могут помочь, если у человека или у овцы что-то болит. Мы собираем их на болоте и под деревьями, в зарослях у невидимой, сонно вздыхающей реки, при лунном свете, наполняющем ночь тревожными шорохами. Спать совсем не хочется.

Однажды я потревожила спящую бегемотиху, которую сосали детёныши, причмокивая во сне, и она бросилась на меня, рыча от гнева... Оцепенев от ужаса, я уже чувствовала на лице смердящее дыхание великой тьмы, и тут старуха непонятно как оказалась перед самой мордой разъярённой самки, из пасти которой капала жёлтая пена, что-то шепнула ей и долго смотрела в маленькие злые глазки, пока они не стали пустыми, точно туманными, и бегемотиха... просто скользнула обратно в густую тень. Старуха обещала, что научит меня, как это делать.

Нут была довольна, что мне нашлось хоть какое-то применение, потому что все считали Иситу ни к чему не годной, и я знала, что меня тоже начали называть колдуньей, а когда я излечила ребёнка, который наелся глины и весь позеленел, обо мне стали говорить, что я Великая чарами, хотя я всего лишь дала ему рвотный корешок, чтобы очистить глупого детёныша изнутри. Его мать подарила мне медный браслет с голубой бирюзой. Это было приятно.

Каменные дома народа с севера достались отцу и его лучшим воинам, там жил Сута со своими жёнами, а остальные занимали хижины из тростника, обмазанного глиной, потому что людей становилось всё больше, и они строили себе такие дома, какие умели. Северную колдунью тоже поселили в хижине, и каждый разлив приходили женщины, чтобы поменять тростник и снова его обмазать. Старуха получила назад почти все свои вещи – Нут оставила только гребни... Уж очень они были

красивые: из какого-то удивительного, блестящего светло-серого металла, с прозрачно синими камнями, схожими с глазами Аусиры.

Мне нравилось трогать эти диковинные предметы – ложки, вырезанные из желтоватой кости, с женскими фигурками, которые выгибались удобными ручками, высокие сосуды с необыкновенными, тонкими прозрачно-белыми стенками, широкие низкие чаши с плоским дном, каменные полусферы, резко суживающиеся сверху, фляги с узким горлышком, просвечивающие насквозь, чёрные кубки, как раскрытые чашечки цветов, украшенные затейливой вязью линий, сплетающихся в картинку и слова... Я удивлялась, что из этого можно есть и пить! Я думала... о маме, которая тоже к ним, наверное, прикасалась.

У старухи были и другие вещи, и она разрешила мне ими играть: тонкими обручами, походившими на согнутые солнечные лучи, звонкими металлическими браслетами, отполированными зеркалами, коробочками из твёрдого тёмного дерева с мелким голубоватым жемчугом, посохами со змеями, фигурками невиданных богов с головами или телами волков, коров, слонов и странных оскаленных зверей, которых старуха называла медведями. Там были птицы с женскими лицами и женщины с птичьими крыльями, и когда я брала их в руки, то точно оказывалась в забытом сне, будто вспоминала что-то неизъяснимое, прекрасное, но никак не могла вспомнить.

Я всё спрашивала старуху о маме, какой она была. Она дала мне хрупкую чёрную чашу, завёрнутую в лён и старые шкуры, на которой белой, золотой и синей красками была нарисована девочка: огромные нежные глаза, худенькие плечи, цветы в волосах... Совсем как живая! Старуха сказала, что это дитя, маленькая царевна, рождённая на севере, была обещана богам, которые дали её матери большую силу, чтобы она слышала пение звёзд, хрустальным дождём текущее с неба. Она сказала, что ей открылись все тайны земли, воды и камней, какие растения можно есть, какими нужно лечить, и как усмирить любое животное.

Там, где звенели ручьи, сливающиеся в бегущие к морю реки, и мир казался зелёным, просвеченным солнцем, глубоким, точно стоящая под высокими деревьями вода, как отражение небесного мира, женщина по имени Тара, что значит Солнце земли, обещавшая своё дитя за чары, стала волшебницей... и царицей, и её народ жил, ни в чём не нуждаясь и не старея, но когда пришёл срок отвести девочку в священный лес, чтобы оставить у тайной, неведомо куда ведущей пещеры, где не росла трава, не пели птицы, и даже звери обходили это место стороной, мать её пожалела... Тогда начали умирать другие дети. Они просто засыпали и не просыпались, и Тара не могла никого спасти, потому что внутри неё было тихо и страшно, потому что она больше не слышала, как поёт Утренняя звезда. Мужчины и женщины, и сама Тара, сжигавшие их лёгкие пустые тела, каждый вечер со страхом смотрели в небо, где появилась новая звезда, превратившаяся в луну.

Земля содрогалась, сочилась огнём и дымом, змеилась трещинами, оскаливалась провалами, деревья перекручивал странный беззвучный ветер, от которого в ушах шумела кровь и нестерпимо болела голова, тяжёлой тёмной завесой падал нескончаемый дождь, и сквозь него шипели розовые и фиолетовые молнии, и вдруг наступила ужаснувшая всех тишина, за горизонтом которой шли гигантские, белые, кипящие яростью волны... и невиданный, выжигающий душу холод... Тара успела увести людей из домов до того, как туда обрушилась вода.

Взяв с собой только необходимое, они укрылись на вершине Матери гор, каменного ока Меру, глядящего на солнце, которая одна осталась над морем. Но ушли не все: многие матери легли на прах сожжённых детей, чтобы защитить его своим теплом от наступающего холода и мрака, и мужчины не смогли бросить их умереть в одиночестве... Народ Тары стал как испуганное обезумевшее стадо бегущих от смерти животных, отчаянно карабкающихся наверх, не оглядывающихся назад, где поднималась белая вода, уже скрывшая землю. Только дитя, которое волшебница не отдала богам, было удивительно спокойным, будто к чему-то прислушивалось.

На голой вершине Меру росло огромное дерево, и северные люди сделали из его гладких ветвей широкие длинные плоты, и спустили их в море, которое нигде не кончалось. Они плыли, глядя на потемневшее солнце и на луну, которой раньше не было, и время тянулось, бесконечно дробясь на дни и ночи, как тоска, что теперь, они знали, останется с ними навечно. Мужчины и женщины безвольно жевали корешки Тары, утоляющие жажду и голод, точно коровы, не имеющие разума и мечты. Они увидели долину, до которой не дошла вода, и остановили свои плоты у берега, но никто не радовался, будто души людей остались там, где когда-то были их дома и заливаясь мягким серебристым смехом, играли дети.

Они долго жили в долине, ещё дольше, чем плыли... Люди построили новые дома, вырастили зёрна и лён из маленьких кожаных мешочков, что взяла с собой Тара, приручили животных, каких она подманила, и развели благоухающие тенистые сады, но дети у них уже не рождались, будто ледяное дыхание тьмы, от которой спаслись только взрослые, выжгло мужчин и женщин изнутри, сделав их бесплодными.

Женщина, переставшая слышать пение звёзд, как и раньше, понимала и чувствовала землю, и народ, приплывший с севера, ни в чём не нуждался... и не старел, словно вся старость мира обрушилась на неё одну – её глаза выщвели, кожа истончилась и сморщилась, плечи поникли. Теперь она была Белая Тара, и, если никто не видел, старая волшебница плакала, зная, почему её дитя оказалось единственным, кого пощадит Мать новорожденного солнца, богиня лютой зимы, владычица странных, завораживающих снов, уводящих живых в миры мёртвых, носящая в своём тёплом подземном чреве всходы будущих посевов... безжалостная и милостивая Мара, чьё имя дали обещанной за чары.

Она ждала... Гладила молчаливую дочку по волосам, по лицу, по худеньким плечикам, похожим на хрупкие тонкие лучи прекрасных белых крыльев, которым даже не суждено раскрыться, пытаюсь понять, о чём думает золотоволосая Мара, но её глубокие глаза были как северное озеро в тихий день – ни морщинки ветра на гладкой поверхности, спокойно-прозрачной, синей, ласковой до самого дна. Девочка точно видела нечто, что предназначалось ей одной, и это заставляло её беспомощно, нежно улыбаться... А потом к реке пришли чёрные люди, любящие кровь, и их царь взял себе всё, что принадлежало народу с севера... и дитя Белой Тары, названное, как великая богиня смерти, внутри которой таится жизнь нового солнца.

Близнецы появились почти одновременно, будто переплетённые, как ветви дерева в разлив: чёрный, сильный, гневный, похожий на отца мальчик и отчаянно боровшаяся за жизнь девочка, напоминавшая красивую гибкую змейку. Северная волшебница, передав их на руки нянек, вынула из разорванного чрева мёртвой дочери третье дитя – окровавленное, жалкое, едва дышавшее... Оно было крошечным, нежным, странным... и чудовищным, и Белую Тару затрясло от жалости, брезгливости и страха, но она удержала его в этом мире, хотя такие дети не могут жить.

Она давала женщинам с севера, слишком опустошённым своей тоской и испугом, чтобы чего-то желать, горькое снадобье из бесцветной болотной травы, и больше никто не родил от чёрных мужчин... Все они умерли – её народ! Просто засыпали... и не просыпались, как дети, оставшиеся на дне далёкого холодного моря... Золотоволосые, синеглазые, белые, мужчины и женщины, чьи тела совсем не состарились: только души рассыпались, будто пепел, под печальной тяжестью времени и невыносимой нежностью потерь.

Белая Тара устало сгорбилась над чашей, словно пытаюсь защитить – нет, не ту, что была мне мамой, а всего лишь её изображение... Я смотрела на неё... и видела старуху, которая ничего не понимала, хотя удивительно о многом догадывалась, и внутри меня пели звёзды, которые ей уже не услышать, потому что они остались только во мне.

Я вспомнила, как уже вспоминала об этом... в сумеречно-лиловом, ликующем мире, где по небу плыли три голубые луны, а моя тоска бросила одну из них в объятия новой земли... Я знала, что Аусира, странное больное существо, бедный лягушонок, брат-сестра, – никакое не божество, но я нуждалась в нём... так же сильно, как и в своём мухване. Мы были единое целое, и им была я: мои сила, гордость, верность, гнев – это Сута, мои слабость, нежность, жалость, любовь – Аусира... и танцующая на острие невозможного одиночества змея-оборотень, однажды сбросившая кожу среди влажно дышащих речных лотосов... Или это было уже миллионы раз?

Я сочиняла эту историю... прекрасную, горькую, переворачивающую мир, чтобы понять, что же я такое есть, чтобы обрести обещанный покой, чтобы снова вернуться к тому, с чего всё началось... Из пустыни,

наступавшей на долину, пришли невиданные люди, похожие на чудовищ: с красными телами, покрытыми язвами, точно от огня, с ледяной кипящей кровью, с горящими жёлтой яростью глазами. Они не хотели ни женщин, ни домов, ни вещей – только убивать, потому что все, кто были живыми, красивыми, тёплыми, вызывали у них невыносимую, лютую ненависть.

Красный народ пустыни хотел только одного, чтобы чёрные люди долины перестали существовать... навсегда... Страшные воины, которых невозможно было победить, не просто убивали мужчин и женщин, детей и стариков, они уничтожали души, поедая вмещавшие их тела, и отец встал на защиту покорённого им народа... Верный Сута был вместе с ним.

Рядом падали изрубленные на куски мужчины из нашего народа, но мухвана сумел отбиться от красных людей... и спасти душу царя: раненный, он очнулся уже ночью, и вокруг не оказалось никого из странного народа пустыни, точно все они были всего лишь мороком, который она родила, а в высоком страшном небе сияли холодные звёзды. Каким-то чудом Сута добрался до реки и, обхватив одной рукою тело убитого отца, а другой плывущее мимо дерево, опять потерял сознание от боли.

Это дерево прибило к берегу, где дети сушили сети, и они в ужасе побежали к Нут, а та послала за белой колдуньей... Прошло три луны, и Сута, которого я помогала выхаживать, смог встать на ноги, но отца уже похоронили, пустив подождённый стрелами плот по зелёной реке, что уже начала разливаться, став мутной и бурной, и тогда женщины едва стащили Нут с тела царя, которое она, крича и вырываясь из их рук, накрыла своим телом, как небо накрывает землю.

Теперь Таурт ходила гордая, и правда, пыхтя, как довольная бегемотиха: её муж, Сута, стал вождём. Я только улыбалась такой улыбкой, как скользит змея в пятнистой от солнца траве, позволяя ей эту маленькую радость, зная, что она останется самой верной из всех и не оставит моего мухвану, когда от него отвернутся другие, ощущая нежную боль Матери рассвета, у которой никогда не будет детей от любимого, но зато она увидит, как встанёт ликующее солнце жизни тысяч чужих детей... Я её жалела... и завидовала её любви.

Нут, ставшая без Геба, как пустое печальное небо без невидимой ночью земли, ещё нежнее заботилась об Аусире, бывшем беспомощнее ребёнка, а когда его дыхание останавливалось, так что он казался мёртвым, хрупким, безмятежным, точно срезанное серпом и высушенное на солнце зерно, она бежала к Белой Таре, прижимая к себе лёгкого, как стебелёк, Сына жизни, которого давно считала своим, и та снова возвращала ей Аусиру. Совсем слабый, бледный, он полулежал-полусидел, укутанный диковинными, искрящимися на свету шкурами, привезёнными северными людьми, и только его глаза – живые, яркие, прозрачные – нестерпимо сияли высокими синими звёздами или снами далёкого холодного моря, в дно которого навечно вмёрз мир, где была рождена наша мама.

Я уже не виделась с Сутой, который стал отцом каждому из живущих в долине людей, и все его дни были посвящены бесконечным заботам. Он собрал мужчин, не занятых охотой, и выросших мальчиков, мечтающих быть воинами, и увёл их в пустыню, где они ждали нового нашествия красного народа, чтобы дать им отпор. Излечившая его странные раны старуха-колдунья продолжала меня учить всему, что она умела, и единственным, ради кого я от неё уходила, был Аусира, чьё гаснущее день ото дня солнце согревало моё сердце, переполняемое, как река в разлив, горькой нежностью, мешающей даже дышать.

Он растерянно, ласково заглядывал мне в лицо и гладил мои волосы тонкими, белыми, будто озябшими, просвечивающими на солнце пальцами... он смеялся и плакал... он говорил, словно не в силах остановиться, о прекрасном, дивном, поющем мире, куда ему нестерпимо хочется вернуться... Нут и остальные женщины считали, что это откровение бога, но я знала: оно было только тоскующим туманным зеркалом, заплаканным серебряной нежностью дождя, отражающим погибшее ликование Себа Джа... и того, забытого даже мною, скользящего в ледяной синеве у хрустально-лучистой Сепдет... и ещё миллионов умолкнувших миров... Рядом с умирающим братом-сестрой оживали, наполняясь теплом и трепетом правды, воспоминания о прошлом... и будущем, приснившиеся черноглазой девочке, проснувшейся на рассветном берегу.

Я понимала – мои сны начинают сбываться... Я буду богиней и царицей... и потеряю всех, кого люблю. Я точно видела влажные чёрные глаза... и нежные искусанные губы, умоляюще шепчущие моё имя. Я знаю, что нужна этим людям, чтобы научить их страдать... и любить, тосковать и надеяться... Я дам им всё – гордую горькую историю о брате, убитом брате, и сестре, зачавшей дитя-высоту от божественного мертвеца, которого сама подниму на звёздный трон, чтобы он судил каждого по его делам, чтобы ждал всех умерших в прекрасных сумерках Иалу, дарующих спокойное блаженство и воскресение к вечной жизни.

Я пожертвую для этого всем – бедным, странным Аусирой, которому однажды придётся умереть, а я не стану возвращать его слабое дыхание, и своим мухланой Сутой, которого будут называть предателем, убийцей, страшным чудовищем... Даже нашим с Сутой сыном – похожим на волчонка диким Инпу, которого примет верная Таурт, втайне от людей, на берегу реки, в тающем свете Утренней звезды, чтобы вырастить его как собственное дитя... Я найду мальчика-сироту и скажу, что он и есть сын богини Иситы, которого я зачала с помощью волшебства от невинно убиенного бога Аусиры... потому что история, которую я придумаю, должна закончиться счастливо.

А Нут я сделаю богиней неба... и своей матерью. К этому времени она уже умрёт – и Белая Тара тоже. Я сама сожгу тело старухи – оно будет лёгким, как у детей, оставшихся на дне холодного моря. И все

забудут мою бабку-колдунью... и никогда не вспомнят её синеглазый народ – это ни к чему, люди станут верить в то, чему я их научу. Они возблагодарят Исигу за её дары – зерно и лён, нежность и ярость, печаль и надежду... Только я одна буду помнить.

Я устало закрываю глаза, чтобы снова видеть пирамиды и храмы, созданные во славу мне... и моим снам, и печальную Шепесанх с золотыми от нежности глазами... Она – это я – взяла человеческое тело, думая забыть о своём одиночестве... и стала сфинксом, попавшим в ловушку песков, бегущих, как время.

И я вижу прекрасную страну, которая похожа на распутившийся цветок лотоса, если поглядеть на неё высоко с неба. Это возлюбленная земля Тамери. Это чёрная земля Такемет. Это слившиеся воедино верх и низ, юг и север, Ташемау и Тамеху, которые будут царством двух земель – Тауи... Там полноводный Итеру предаётся любви, как юноша, познающий женщину. Он молодеет, сердце его оживает! Жрецы снова пробуждают великую реку, которая должна оплодотворить землю для новых всходов, и вдоль русла Итеру начинается шествие молодых мужчин и девушек, чтобы он, разбуженный человеческой страстью, вышел из берегов, затопив водой и илом долину, чтобы Тамери была опять спасена от голода, чтобы власть Такемет оставалась безграничной.

Это продолжается ровно семьдесят дней, с момента весеннего равноденствия и до летнего солнцестояния, когда после долгого отсутствия в небесах вновь блистает радостная Сепдет... Её будут называть слезой Исиды, потому что пока она скрыта от земли, Великая чарами горько плачет, снова собирая воедино мёртвое тело своего возлюбленного.

А после половодья дивного времени Ахет, когда воды Итеру из прозрачно-зелёных, голубых или белых становятся мутно-оливковыми, грязными и даже красными, как кровь, наступает сезон посевов Перет, и всесильная река возвращается в свои берега, а по её чёрным от ила путям идут смеющиеся семьи феллахов, разбрасывающие семена. Они поют и перешучиваются друг с другом, надеясь на доброе будущее.

И опять приходит чудесное и страшное время Шему, и те же земледельцы, ликуя, собирают обильный урожай с увлажнённых полей и шумливых садов, пока всё вокруг не сгорит от палящего солнца и не покроется сухой серой сажей, которую несёт пустыня. Всё это – Шему, и в его начале вечно празднуют, а в конце всегда горюют – из-за страха, что упорядоченный вселенский круг Нехех внезапно остановит бесконечное движение своего цепа, обмолачивающего каждое рождение и смерть для производства нового зерна жизни.

Бесстрастное, безжалостное, текущее сквозь пальцы время, которое выдумали люди, чтобы стирать мягким ластиком прошлого осыпающийся со свитков графит всех великих и печальных царств, превратит эту землю всего лишь в ускользающую тень когда-то живой и радостной души... Но

это будет потом, а может, и никогда... Я, богиня Исита, Великая чарами, женщина-птица из снов о далёкой звезде Сепдет, помнящая смерть всех своих созданий, рождённых на Себа Джа, и в моих быстрых смуглых руках жарко и нежно пляшут весёлые сестры... Они поют о будущих жадных жатвах, о тысячах преклонённых людей, о моей возлюбленной чёрной Тамери... И да будет так!

Рассказ Мариты ЗОТОВОЙ (г. Санкт-Петербург) «Однажды в Валахии», опубликованный в печатном издании настоящего сборника на с. 18-31, снят автором с конкурса после подведения итогов конкурса.

Маргарита ЛАНИНА

Хороший человек

Никанор Иванович представился... Был человек, и нет человека. Так бывает чаще, чем того бы хотелось. А что тут поделаешь? Судьба. Пока знакомые и сослуживцы делали удивлённые глаза и пожимали плечами при встрече друг с другом, говоря одно и то же «надо же! Ведь вот только вчера ещё...» и прочую ерунду, Никанор Иванович летел в той самой знаменитой чёрной трубе, именуемой тоннелем. Она заканчивается светом, как всем известно. Свет в конце тоннеля по идее должен венчать конец пути каждого, кто летел в трубе. Но путь «Никанориваньча», как называли его сослуживцы, не увенчался светом. Труба тупо выбросила его в неизвестную реальность. Выплюнула как ненужный и поднадоевший мусор. Даже обидно. Покойный стоял посреди пересечённой местности в своём новом чёрном костюме и с платочком в кармане, чувствуя себя неуютно. Такое с ним было впервые. Ещё бы!

На местности, однако, всё было в полном порядке. Росли деревья и трава, было светло и потому видно для всякого проходящего мимо, что помещён принесённый трубой Никанор Иванович прямо перед воротами и забором. Над воротами арочно, чугунной вязью было написано «Санаторий "Долина смерти"», чуть ниже на красном транспаранте намалёвано «Добро пожаловать!» Возле ворот учреждения ходил туда-сюда охранник с дубинкой в руке и косил всезнающим глазом на вновь прибывшего. На спине стража было написано «ЧОП "Чёрт возьми"». Видя замешательство «объекта в чёрном костюме», охранник стал поигрывать дубинкой и расправил плечи для устрашения. Никанор Иванович сразу заробел, но спросил у охранника:

– Это ад?

Охранник сплюнул на землю, оглядел «объект», помолчал и, наконец, ответил:

– Ну, типа того. Не знал что ли?

Покойный удивился, а где же, простите, огонь, сковородки и котлы? Никанор Иванович спросил об этом лишь для того, чтоб только услышать отрицательный ответ – нет, это не ад, успокойся! Ведь за что же его, отличного работника и хорошего семьянина (это из характеристики), да прямиком в преисподнюю, которая даже и не похожа на себя.

– Вот вы читаетесь всякой беллетристики, а потом прётесь сюда, сковородки им подавай! Металлу на всех не хватит! – рывкнул страж и ослабился.

Иваныч с ужасом увидел, что зубы у чоповца волчьи. Реальность не была реальной. Странноватой была какой-то. Прямо страшный сон.

– Так мне куда? – спросил Никанор Иванович, бывший начальник отдела одной большой фирмы под названием «Мир денег». Он так и маячил у ворот в своём идиотском чёрном костюме с платочком в кармане. Костюм был ему большеват. плечи свисали, а брюки внизу морщили. Так кто бы подгонял костюмчик под заказчика! Не тот случай – передвигаться не предвиделось. Заказчик должен был лежать. А получилось вон что!

– Тебе куда?... – Оборотень задумался. – Щас ворота открою, зайдёшь. Потом дуй по дороге прямо, там здание есть, справа оно будет. Получишь пропуск в долину. Нужно это сделать до темноты. Не успеешь... лучше тебе успеть, короче. Без пропуска тебя никуда не пустят, мало ли кто тут шляется. Сечёшь, папаша?

– Секу, – шёпотом ответил обомлевший Никанор Иванович, сорок лет стажа работы по одной специальности. И зашёл за ворота.

– Здесь у нас такая тишина... матросская. Тебе понравится, – услышал он за спиной. И захотел, сильно захотел вернуться обратно и не заходить в ворота. Ибо чувствовал, что это навсегда. Он решительно повернулся и наткнулся на глухую стену, по всей видимости, из кирпича, покрытого светло-бежевой штукатуркой, местами облупленной. На стене аршинными буквами было написано неприличное слово, такое получается, если заменить букву в слове «куй». Ворот не было. А значит, не было пути назад. Никанор Иванович вдруг вспомнил, что когда-то давно, он ещё пацаненком был, он написал такое слово на заборе городского парка. Чёрным лаком написал. По новой штукатурке. Тогда всё красили и обновляли в городе к празднику Первое мая. Это было его «художество».

«Совпадение», – подумал Иваныч. И ностальгически вздохнул.

Как и сказал привратник, от стены под гору шла аллея из чахлах осин. Дорога была почти ровная, но Никанор дважды спотыкался и падал, пока шёл. Удивительно, но он почувствовал боль от ушибленных колен и ссадин на руках. Но как же так? Ведь говорят, что «там» никто ничего не чувствует! Там, говорят, все летают! А кто говорит-то? Вернулись оттуда и

давай рассказывать? А тут ещё беда с ботинками, которые на него надели в связи с приискорбным событием. Они оказались на два размера больше. Так что каждый шаг несчастному давался с трудом. Приходилось передвигаться шаркающей походкой, да плюс ещё этот костюм как с чужого плеча. Чарли Чаплин какой-то, котелка только не хватает! Никанор Иванович вспомнил свои костюмы при жизни: Версаче, Армани... галстук в тон. Он всех сотрудников в своё время строил по линейке, заставляя одеваться по дресс-коду. Возражения не принимались. Лицо фирмы! И вот одно из лиц фирмы теперь бредёт неизвестно куда, поддерживая штаны, чтобы не слетели. «Но ведь я же не только для себя старался! – думал бывший начальник отдела фирмы «Мир денег». – Для всех! Чтобы нам привлечь средства для фирмы! Сборы, так сказать. За что?»

Он даже слегка обиделся на всех. Он тут, а все эти – сослуживцы, знакомые и родственники – там, в привычном мире едят, спят, радуются. На костюме сэкономили! Вот она, экономия эта! Тащись теперь еле-еле и кое-как. Поувольняя всех! То есть поувольнял бы... Между тем, впереди наконец замаячили какие-то строения... Санаторий, наверное. Интересно, почему санаторий? Там что, здоровье поправляют? И какое такое здоровье? Или это просто издёвка?

Здесь всё ложь и издевательство, понял, наконец, Никанор Иванович, когда увидел, что все здания, серые и неказистые, стоят слева от него, а справа тянется бескрайнее болото. Как сказал охранник? Дуй прямо, справа увидишь здание... Он «дует», а справа никакого здания-то и нет. Болото одно трясиное. Обманул охранник! Зато слева каких только вывесок нет! Всё почти как у людей. Совсем почти... С лёгкой аберрацией, правда «Магозин "Всякая хрень"», например, было написано над двумя немальными окнами и покосившейся дверью. Вот кто-то основал салон красоты, о чём вещала надпись над входом: «Парикма Херская – лондонский мастер из Парижа». Дальше вообще шарада была. Но Никанор-то её разгадал! Это не прочтёшь, а прочувствуешь – «100lova». Тут ещё и столовая есть! Зачем? На том свете никто не ест. А вообще-то кто это знает?! «Боликлиника» – одноэтажный сарай с красным кружком, обозначающим здесь медицинское учреждение. И вот ещё (однако!) ресторан «Ваши не пляшут» – это на первом этаже серого бетонного здания, а на втором этаже расположился (ещё одно однако!) бордель под названием «Семейные традиции». Дальше, чуть в стороне, за чугунной оградой находился банк под названием «Банк "Крот"». Всё как у людей! Колония-поселение какая-то, решил покойный. И это вселило в него некоторую надежду на возможное возвращение. Раз тут всё почти как у людей, отсижу как надо и вернусь. А неплохо было бы посетить все их магазины и салоны. Кто там в службе? Черти?

Пока шёл, устал Никанор, немолодой, так сказать, человек. Но ведь здесь усталости не должно быть! А она была. Такая же чугунная усталость как при жизни. Что же это? Никакого избавления? Всё, как и прежде, только в другом месте и навсегда? Вот только этого ещё не

хватало! Старик даже привычно схватился за сердце и присел на подвернувшуюся скамейку. Ведь жил он как все. Считался хорошим человеком, работал, семью содержал, пил по праздникам только, слегка обманывал жену (а кто этого не делал?), жульничал, но ведь во имя работы, ради блага всех! А так не воровал, не убивал...

К нему подбежал откуда ни возьмись маленький пузатенький мужичок, одетый по-домашнему в треники и застиранную майку.

– О, кого я вижу! – завопил он. – Вы новенький? Да? Вижу, вижу! Недавно пожаловали! Как хорошо-то, как славно! Вас как звать-величать?

Никанор Иванович ответил, слегка успокоившись, а то ведь ни души вокруг не было, начиная от испохабленной стены до санатория.

– А меня Иван Сидорыч Иванов-Петров, буду вам как бы другом! – представился незнакомец.

– Почему как бы? – удивился Никанор Иванович.

– Да так, не почему. Просто потому что. Ибо по-другому тут почему не объяснишь. Потому как потому – и всё. Почему и потому рядом идут. Сначала почему, а потом потому. И по-другому не бывает. Вы не согласны?

«Станный какой-то, – подумал немолодой «новенький», друживший некогда со многими, кто мог что-то дать ему или продвинуть по карьерной лестнице, – на сумасшедшего похож. А с психами надо соглашаться».

– Согласен, согласен, – закивал головой Никанор. Пусть будет рядом этот псих, чем вообще никого. Станный какой-то мужик-то, подумал он, в майке и трико, так ведь не хоронят. Куда девал свой костюм?

– А регистрацию не успел пройти, вот и... – Сидорыч шутливо дёрнул резинку на штанах. – Вы-то прошли? Зарегистрировались? Нет? Ой, надо, надо! Вон здание, видите? Девятиэтажка. Вам туда. И до сумерек успеете!

Как не заметил Никанор Иванович это высотное здание из стекла и бетона здесь, в довольно убогом месте! Вот она, бюрократическая твердыня, высилась слева от дороги. Обманщик всё-таки этот чоповец! Зачем врать-то... зря? Поддёргивая брюки и расправляя плечи, Никанор зашёл в здание. Надо вести себя уверенно, подумал он, тогда тебя будут уважать. Тут всё как в жизни. И постучался в дверь с надписью «Отдел регистрации вновь прибывших».

А когда зашёл в этот отдел, так и обомлел. Офис был огромен, длинные ряды столов начинались от двери и заканчивались где-то там, вдали, наверное, за горизонтом.

– Что у вас? – нервно спросила девушка, сидящая при входе. – Вновь прибывший?

– Да, – прошелестел с тоской в голосе человек. – Это же санаторий? – спросил он уже с надеждой.

– Что? – удивилась «сотрудница», и глаза её наполнились презрением. – Читать надо уметь! Безграмотный? Нет, ну надо же, всем санаторий подавай! Это САНИТАРИЙ! Я вам сейчас бумажку дам, подпишите, у

кого надо, завтра придёте. Санаторий... надо же... – девушка недоумённо покачала головой.

Никанор Иванович вспомнил, что ведь надо зарегистрироваться сегодня и до сумерек, а иначе какие-то будут неприятности. Надо попросить девушку в порядке исключения, так сказать... Ведь она с виду самая обыкновенная барышня, вон даже губы помадой подкрашены, только глаза холодные и пустые.

– Девушка, – позвал сотрудницу Никанор, – я не могу завтра прийти, мне бы сегодня. В порядке исключения...

– Да? – уточнила регистраторша. – Есть такая возможность. По коридору вторая дверь. Я вам ничего не говорила.

«Совсем как в жизни, – подумал умерший, – может, тут такие испытания для нас... прибывших».

И прошёл по коридору, куда и было указано. На второй по счёту двери табличка гласила: «Отдел взяток».

«А что я дам?» – подумал Никанор Иванович и толкнул дверь.

– А ничего ты не дашь! – сходу ответила на вопрос входящего очередная «барышня». Она, как ни странно, сидела за компьютером и внимательно смотрела на монитор. Никанор Иванович тоже внимательно посмотрел, но не на монитор, а на голову сотрудницы, ища рога. Их не было. А всё-таки витала в эфире некая эманация зла. Отчего становилось тоскливо и плохо. А тут еще штаны спадают! И это только начало...

– Вот что, старик, – сказала сотрудница отдела взяток, – мы тебя определим на постой, конечно. Но в порядке взаимных услуг ты должен подписать бумагу. Тут одному человеку не хватает подписи, чтоб его казнили лютой смертью. Поставишь свои каракули и иди, гуляй по местным магазинам. На, вот...

И она протянула Никанору бланк. Тот его не взял.

– А если я не поставлю подпись, его не казнят? – спросил он и испугался почему-то.

– Да ты чего, дед! – возмутилась «внучка». – Ставь и всё! На улице останешься ночью! Ставь!

Скорее всего, у неё не рога на голове, а копыта под столом. Никанор Иванович присел, чтобы посмотреть. Есть! Два копыта, покрытые маникюрным лаком, – это всё, что отличало «барышню» от нормальных людей. Сотрудница «отдела» сильно изменилась в лице, стала не девушка, а гарпия какая-то.

– Да ты что! Дед, ты совсем с ума съехал! Завтра придёшь на общих основаниях! Если ночь переживёшь. Вон отсюда! – заорала она, и весь офис сразу переменялся. Завылла сирена, замигали тревожные красные лампочки. Металлический голос начал предупреждать: «Тревога! Тревога! Акт милосердия!» И вот уже исчезли оконные переплёты, пропал стол и компьютер, не стало самой сотрудницы. Стены покрылись облезлой штукатуркой, провалился потолок – коричневая пыль покрыла

весь пол. В этих руинах давно никто не бывал. Никанор Иванович выскочил из здания как ошпаренный. За ним с шумом захлопнулась дверь. Захлопнулась и закрылась на замок. Всё. Обратной дороги не было. Ну, и... Регистрация у них тут, надо же! А чего ему, Никанору, терять? Он же всё равно уже того... Как говорится, дальше Кушки не пошлют, меньше взвода не дадут. «Схожу-ка я в их сельпо», – подумал Иваныч, подвернул брючины (перед кем тут форсить?) и направился в магазин «Всякая хрень».

Действительно, он пошёл «по магазинам», как и сказала копытная барышня. Правда, магазин здесь был единственный, тот самый «Всякая хрень». Толкнув сто лет немытую дверь, Никанор Иванович, любопытная душа, оказался в потустороннем магазине. В нём было сумрачно и пахло мышами. За прилавком стояла обычная баба в возрасте одиночества и курила сигарету. Прищуренный от дыма глаз смотрел оценивающе. «Опять ни фига не купишь? – спрашивал прищур. – Ходят тут всякие!» Заспиной у продавца полки ломились от изобилия банок и баночек с надписью «Хрен вам». Застеклом томилась мобильные телефоны неизвестной доселе марки «Люси Феро». На прилавке лежал ворох маек и трико секонд-хенд. На одной из маек Никанор Иванович прочёл: «POCHOL NA CHREN».

– Водка есть? – спросил вдруг Никанор.

– А то! – гордо ответила продавец и поставила на прилавок поллитровую бутылку с надписью «Коктейль Молодова». – Пей – не хочу!

– У меня денег нет, – констатировал свой здешний статус вновь прибывший.

– Тебе и не надо денег этих, не на земле, – усмехнулась баба – Ты мне петицию подпиши – и всё. Я тут чё, зря, что ли, стою! Продаю всякую хрень. Мне надо семейство одно многодетное по миру пустить. Вот твоей подпиши и не хватает. Твоей, понял? Подпишешь, забирай хоть всю лавку! Тут хорошо! Торгуй себе. На ночь только не забудь закрыть. Вот, бери!

И она протянула Никанору Ивановичу лист бумаги. Старик медлил брать. Возьмёшь, а оно само и подпишется. Нет уж! Да и товар здешний так себе был. Брать нечего. Разве только мобилу.

– Вот мобилу и бери! – прочитала мысли Никанора Ивановича ушлая продавщица. – Таких нигде нет. Ты ещё только подумал, а мобильник уже эсэмэску шлёт тому, о ком подумал. Пальцем шевелить не надо. Подписывай, чего там! Тебе не впервой людей разорять! А это семейство ты даже и не знаешь! Они мне сотню должны. Я их урою! Давай, покупай чего-нибудь, а то меня в ссылку отправят за невыполнение плана.

– Сотню тысяч должны? – спросил Никанор. Просто так спросил, узнать «масштаб».

– Сто рублей! Мало что ли? – удивилась баба и загасила сигарету о край прилавка. – Ну?

– Салазки гну! – огрызнулся покойник. – Иди ты со своими петициями знаешь куда!

– Знаю. На коровьи труда, – обречённо вздохнула продавщица.

И только вышел Иваныч из магазина, как попалась ему навстречу странная процессия. Народ шёл по дороге с красными флагами и транспарантами. На транспарантах белыми буквами было написано «Все на коровьи труда!», «Больше коров и труда в единицу времени!», «Все как один – на дойку!», «Загнём салазки всем, кто не любит коров!», «Мы не быки, быки не мы!» Возглавляла колонну давешняя продавщица с сигаретой в зубах и в кирзовых сапогах. Впереди неё шёл барабанщик и стучал в барабан.

«Это я, наверное, слово какое-то сказал, и вот что получится! – подумал Никанор Иванович. – Надо быть осторожнее! А бумагу я не подписал. Два раза не подписал! И каждый раз что-то здесь меняется...»

– Вот и урод ты! – крикнула ему в лицо предводительница шествия. – Теперь я на другом фронте работ. Даёшь качественную дойку!

И колонна прошествовала мимо, подняв столб дорожной пыли...

А тут неплохо. Существовать как-то можно. Похоже на прежнюю жизнь. Никанору Ивановичу вдруг захотелось есть. А на что питаться? Опять бумаги подписывать дадут? На это т раз он решил, что отказываться не будет. Обстоятельства, так сказать, непреодолимой силы. И вообще... что тут такого? Между столовой и рестораном он выбрал ресторан «Ваши не пляшут». Привычка, знаете ли, вторая натура. Из ниоткуда вновь материализовался «как бы друг» Иван Сидорыч в тех же трениках и старой майке. Сильно участливый был, Иван-то Сидорыч. Прямо в глаза заглядывал, про самочувствие спрашивал, говорил, что здорово перепугал его Никанор, на скамейке-то за сердце схватившись. Разве так можно? «Друзей обретаю», – подумал покойный и пригласил нового друга с собой в ресторан.

В ресторане «ваши» не плясали. Там вообще никакие не плясали – ни ваши, ни наши. Пахло кислой капустой и жареным картофелем фри. Скучно белели скатерти на пустых столах. Никого. И только пальма в кадке, как водится, сильно накренилась, будто пьяная была. За окном начало темнеть. Приближалась темнота первой ночи Никанора Ивановича на том свете. Расторопный официант появился через положенных полчаса. Смахнул невидимые крошки со стола и подал меню Никанору Ивановичу. «Как бы друг» сделал вид, что рассматривает интерьер.

– Приговорённым мы ни в чём не отказываем, – предупредил официант, – и платить не надо. Всё за счёт заведения.

– А кто тут приговорённый? – удивился Никанор. И с любопытством посмотрел на нового друга.

– Вы, – сухо ответил официант. – Вы же не прошли регистрацию в отделе регистраций? На вас печати нет. Ночью на улице останетесь. Ну, может, и уцелеете. Рекомендую кислую капусту и картофель фри. Больше ничего нет.

– А зачем тогда меню? – возмутился незарегистрированный клиент. – Могли бы его и не приносить!

– Как положено, так и делаю! – схамил официант. – Вас не спросил. Так что? Нес ти?

– Несите, что есть, всё равно надо есть! – скаламбурил клиент. – А как насчёт водочки?

– Водка только на вынос. Здесь нельзя. Драки, знаете ли, начинаются, скандалы. Запрещено. И вносить спиртное тоже запрещено. Товар обмена не подлежит.

Никанор Иванович с сомнением осмотрел помещение, оно пустовало, драться было некому. И заказал водку. Вдвоём с Сидорычем они «усидели» ведро капусты и кастрюлю картофеля фри. Все блюда официант приносил с торжественным лицом в вёдрах и кастрюлях. Потом накидывал еду в тарелки с голубыми каёмочками, что стояли перед клиентами. И удалялся. Никанор отметил, что вилки были алюминиевые, салфеток не было вовсе, а горчица высохла. Новый знакомец чрезвычайно быстро сметал со стола всё съестное. Никанор Иванович только «откушал».

Потом они вышли из заведения, неся в кармане по поллитре. А уж и темнь упала на то место, что называлось «Долиной смерти». Эту тьму ночью не назовёшь, не было здесь ни дня, ни ночи. Так, чередование освещённости и тьмы. Сидорыч завернул за угол ресторана и исчез. Как в воду канул. Никанор Иванович остался один на улице среди безлюдья и тьмы. Тут ему стало по-настоящему страшно. Ибо ступилась чернота, наползавшая с болота. Подул сильный ветер, сгибая до земли все здешние чахлые деревца. «К кому прибегну? К кому воззрю?» – странные слова всплыли в памяти Никанора Ивановича. Он пошарил в кармане брюк и извлёк бутылку, подаренную рестораном. Открутил пробку и хлебнул зелья для храбрости. В бутылке была вода.

– Ах, ты гад! – воскликнул обманутый посетитель и дёрнул ручку двери ресторана, чтобы вернуть воду и взять водку. Дверь была заперта. Он начал стучать и колотить ногами в дверь, пытаясь хоть где-то скрыться от непогоды и одиночества в ночи. С той стороны застеклённой двери показалась физиономия официанта. Он наклеил на стекло два объявления: «Закрыто» и «С водкой вход запрещён». По ту сторону стекла погас свет. А вместе с ним и надежда найти хоть какое-нибудь пристанище. «И Сидорыча нет!» – подумал Иваныч.

Делать было нечего, побрёл бедный Никанор по тёмной улице проклятого посёлка. Она одна тут была, улица-то. Теперь справа от покойного были дома с потухшими окнами и заведения, обозначенные неоновыми вывесками, а слева темнело болото. И какая-то угроза исходила от его трясинных недр. Ветер свистел в ушах. Никанору стало холодно. «Чёрт побери, как тут мерзко!» – подумал он. И решил идти обратно к тому месту, откуда он пришёл. Может, там выход? Брёл он недолго, вдруг услышал характерное ворчание собаки позади себя. Он обернулся. На него неслось огромными прыжками нечто, похожее на собаку. То есть это была собака, но, как говорится, с человеческим лицом. «Ничего себе собака Баскервилей!» – подумал Никанор и дал дёру. Дёр был недолгим. Человеко-пёс быстро настиг свою жертву и набросился на несчастного (в

который раз!) Никанора. Тот стал отбиваться от этого «нечто» пинками и криками о помощи. Но никому не было дела до погибающего в ночи.

– Ёшь твою медь, Никанорыч! Ты, что ли? – человеческим языком вдруг возопила собака. И перед Никанором оказался тот самый охранник ворот «санатория», чоповец, ёшкин кот! «Никанор Иванович я», – поправил «пса» незарегис трированный гражданин покойник.

– Да не важно! – обрадовался охранник. – Я, между прочим, рад встрече! Это же ты стервам из регистрации пропесочку устроил?

– Я? – удивился Никанор. – Наверное... может быть... там теперь всё разрушено.

– Завтра всё нормально будет, не дрейфы! – заулыбался чоповец, показывая страшные клыки.

«Зачем я ему нужен?» – подумал с тоской Никанор Иванович.

– А ты не думай, зачем и почему, – ответил на его мысли охранник. – Меня тоже иной раз тоска берёт. Луны здесь нет, так я, ты не поверишь, на фонарь вою. А ты вот, не такой как все пришёл сюда. Нашим стервям кузькину мать показал. Жалко, что болото тебя всё равно съест. Тут альтернатива такая: либо я тебя в клочья раздираю, либо болото поглощает навсегда.

Выходило, что не удастся пережить ночь Никанору в этих краях. Охранник поведал ему о том, что некто Петров-Сидоров, лучший друг новопреставленного, настучал в отдел регистрации, что будто бы кто-то где-то когда-то намекал на то, что Никанор Иванович при жизни как-то однажды собирался хорошо подумать о церкви! Ну и всё! Решили Никанора извести, проверку устроили по ходу регистрации. В результате оставили старика погибать на улице. Здесь это нормально. А куда ему погибать, если он уже и так погиб? А не забыли, что тут всё-таки сносные условия существования? А вот понюхайте вы пороху в иных палестинах! В других условиях, так сказать, пребывания по ту сторону...

Никанору Ивановичу на пустынной ночной улице что делать? Вот именно, только беседовать с охранником. Иначе тоска и холод доконают. Он и давай спрашивать, зачем, мол, нужна эта регистрация, что за бордель такой тут есть со странным названием «Семейные традиции». Тот отвечал, крутя головой на все 360 градусов, – охранял пространство. Да ни зачем она не нужна! Так, чтобы отфильтровать неугодных. А в бордель не ходи, если тут останешься. Там тётки встречают со скалками на пороге, скандалят и ругаются. И только потом тебя спать уложат. Одного. Потому что провинился. Чем? Да тем, что пришёл. Тут так везде – один обман.

– Всё. Снимай костюм, Никанорыч, я его заберу для отчёта. Мы потом все эти шмотки в магазин сдаём «Всякая хрень». Бизнес, ты же понимаешь... – охранник стал снимать пиджак с Никанора. Снял рубашку, брюки и эти большеватые несносные туфли. Остался дед, как и Сидорыч, в трениках и майке. И стало ему ещё холоднее.

– Ну, бывай, старина! – сказал охранник Баскервией. – Мне пора в другие места. Может, там кого поймаю. Если что, я тебя не видел! А про болото вот что тебе скажу, если сядешь на скамейку, – вон она, видишь? – может, спасёшься. Беги прямо сейчас!

Побежал Иваныч к той спасительной скамье, а ноги как ватные стали, не подчиняются, еле передвигаются. «Как во сне», – подумалось бедняге. Запнулся Никанор Иванович и упал. А встать не может. Совсем немного осталось до скамейки, метра три, но так трудно их преодолеть! Грохот и чавканье послышалось со стороны болота. Никанор взглянул туда и обомлел. Огромный вал грязевого потока вздыбился в болоте и пополз неумолимо в сторону посёлка, прямо на лежащего в немощи Никанора Ивановича. Вал тащил на себе пни, коряги, засохшие деревья, валуны и камни.

– Вставайте, Никанор Иванович! – крикнул чей-то голос. – Вставайте, а то опоздаете!

«Никогда не буду...» – в чём-то поклялся Никанор Иванович и проснулся. Его будила домработница. В окна врвалось весеннее солнце. Одеядло валялось на полу, отчего Никанору Ивановичу и было так холодно в это жутком сне. Благословенный день! Прекрасная весна! Чудесное пробуждение! Впервые за последние годы он ощутил счастье.

Дмитрий СЕМЕНОВ

Лифт на Роднарусь отходит по средам

Григорий с потерянным видом сидел на скамейке и не знал, чем заняться. Для тридцатипятилетнего, ещё не старого мужчины это было несколько непривычным. Совсем недавно он был по горло в делах фирмы, но пара сказанных в запальчивости фраз в сторону шефа обернулась вынужденным увольнением. И хотя домашних дел накопилось изрядно, но у Григория просто опустились руки. Настроения что-либо делать совсем не было. И это настроение держалось уже неделю.

Краем глаза Григорий увидел какое-то подозрительное шевеление на периферии своего подъезда... «Ага! Так и есть! Степочка пытался просквозить!» – обрадовался Григорий предстоящему развлечению.

– Эй, Кекс, двигай сюда! – крикнул Гриша своему знакомому.

– А Григорий, чего ты там? А ну да...Ты это, знаешь, я стольник потом занесу, у меня дел по горло, – замямлил невзрачный паренёк одного возраста с Григорием и попытался юркнуть в подъезд.

– Да, Стёпыч, не мельтеши! Что, даже поздороваться со старым корефаном не хочешь?

– Гришань, я бы рад с тобой побалакать. Но мне срочняк надо двигать! – стал проявлять нетерпение парень.

– Опять торопишься вызволять из заточения очередную принцессу? Думаешь, тебе знаки внимания прямо в кабине лифта окажут? Да? Главный лифтёр района! – продолжал издеваться над бывшим одноклассником Григорий.

– Сколько раз можно повторять! Я не лифтёр! Я механик по обслуживанию и ремонту лифтов! – обиженно выдохнул Степан. – Тут дело такое, надо кое-что мне проверить в четырнадцатом доме... чтоб определиться – глюки это были или не глюки...

– Если ты про прошлую среду, то это я тебе на поллитра занял, а не композитор Глюк, – продолжал усмехаться бывший менеджер.

– Эх... – выдохнул Степан, опустил глаза, а потом с неожиданно каким-то явно заинтересованным выражением оглядел Григория. – Гриша! Ты же у нас гуманитарий? Географию и историю России знаешь?

– Если ты меня хочешь послать на типично русские географические координаты, то... – осклабился Григорий.

– Да, нет! Ты не понял! Ты вот мне скажи, где находится «Роднарусь»?

– А? Где, где? Да в Караганде! – засмеялся Григорий. – Не знаю я никакой Роднаруси? Такого зверя, как Рысь твоя, готовить не умею!

– Вечно тебе всё хи-хи. Я серьёзно спрашиваю! Родноверы – это кто?

– Ну, это эти... неязычники, которые пытаются древнеславянские культы возрождать.

– Ага! Значит это националисты? Великодержавные? А флаг чёрно-жёлтый у кого?

– У Австрийской империи был, – смутился Григорий. – Может, чёрно-жёлто-белый имперский флаг?

– Точно! И свастика на нём восьмилучевая! – обрадовался Степан.

– Неее! – возмущился Григорий. – Должен быть орёл двуглавый! Хотя... А вообще ты это к чему? Лифты изнутри красят, что ли?

– Ну... э... просто любопытно было... Можешь мне занять пару тысяч до зарплаты?

– С фига это мне тебе ещё денег давать, если ты с тольник вернуть не можешь? – удивился Григорий.

– Да, на водку... Ой! На бизнес! – окончательно смутился Степан. – Ну... я просто подумал... можно неплохо подняться, на водке и сигаретах... – невнятно начал мямлить лифтовый механик.

– Ты что чукчам на вертолётё их возить собрался? Спешу тебя обрадовать – там этого добра завались, памперсов нет, а водяры, думаю, бочки ставить некуда!

– Если ты будешь участвовать в моём проекте... то я тебе всё расскажу – или я пошёл.

– Да погоди ты!.. Ты толком то рассказать можешь?

– Могу. Но это лучше видеть, – ухмыльнулся Степан. – Давай, так. Покупаем три фунфырика, и я всё тебе покажу и расскажу? Добро?

Через полчаса Степан и Григорий стояли возле лифта 14-го дома. Степан выглядел жизнерадостным, а Григорий задумчивым. Степан, обильно жестикулируя, вещал:

– Дело, стало быть, такое. Профилактика лифтов в каждом квартале, ну раз в три месяца, у меня по средам. Этот дом я проверяю первым, лифты тут вообще – «целки» практически. Была заявка на западание кнопок. В ту среду я пришёл просто проверить на срабатывание. Как видишь, все кнопки тут целые. А вот теперь фокус-покус!

Степан нажал кнопку № 1, затем № 4, затем дважды на № 8. Лифт дёрнулся и куда-то поехал. Субъективное ощущение было, что вниз. Но лифт не мог столько долго ехать вниз. Подвал не мог быть многоэтажным! Григорий почувствовал, что по спине пробежал холодок.

– Мы, это, куда... движемся? – спросил Григорий.

– Куда, куда. В Роднарусь, само собой, – невозмутимо ответил Степан. И с торжеством посмотрел на взволнованного Григория. – Ты фильм «Гостя из будущего» видел?

– Это который «Алиса-меелелефон»? – удивился Григорий.

– Он самый, ну так вот... работа Вертера я тебе не обещаю, но что-то вроде того фильма ты увидишь.

Лифт дёрнулся, замер, и двери нехотя и со скрипом открылись.

– Вот первый сигналчик! Новый лифт, а поёт как шаркнувший!

Далее для Григория всё было уже не шаркающим, а шокирующим. Начиная с тамбура подъезда. Где-то на потолке пискнуло, и механический голос произнёс: «Утечка технической жидкости! Проверьте герметичность упаковки!»

– Млять! Спаливаемся! А всего-то разок отхлебнул... – себе под нос пробурчал Степан. – Он сунул руку в свою громоздкую лифтерскую сумку и, позвякивая стеклом, осуществил несколько телодвижений по закручиванию бутылки.

После чего развернулся к панели вызова лифта и доложил:

– Утечка устранена. Проводилась проверка сенсорных систем, т.е. чувственных подвижек! Докладывал лифтёр, т.е. проверяльщик верхобеглых сундуков Степан Ремизов.

Панель вызова лифта мигнула зелёным огоньком.

– Что это было??? – выдавил обалдевший Григорий.

– Это такие местные заморочки... Ещё смешнее есть... В первый раз пену заколебался сплевывать, – ухмыльнулся Степа. – Щас покажу!

– Внимание! Тестирование пожарной тревожи! – сказал Степан лифту. Достал «зажигалку» и чиркнул кремнием.

«Обнаружен источник открытого огня. Идёт отчёт до применения силы пожаротушения 9... 8... 7... 6...» – на панели лифта замигал красный светодиод.

– Отбой проверки, – скомандовал Степан и торжествуя глянул на Григория. – Ну как тебе чужестранный лифт? А?

– Он что китайский, судя по корявой озвучке? – удивился Григорий.

– Самый русскоязычный, но не наш! У нашего, во-первых, слово на три буквы на стене в углу накарябано, да и тепловизоров с химическими детекторами нету. Что вытупился? Пошли знакомиться с параллельной реальностью! Есть тут много чего крутого, но вот расслабляться местные разучились! Но мы им поможем!

Первое, что бросилось в глаза Григорию, когда он вышел на улицу, это ощущение де-жа-вю. Вроде бы все окружающие дома были на месте. Но окружающая атмосфера была иная. Словно чего-то не хватало.

– Тоже рекламу супермаркета ищешь? – осведомился у Григория его гид. – Пойдём, выйдем со двора на проспект. Я, когда первый раз вышел прогуляться, тоже не понял, в чём прикол. Гляди! Вдоль проспекта вообще нет ни баннеров, ни этих... как их... – «билдбордеров»! И движение на дороге, заметил? Меньше частного транспорта, чем обычно! Намного! А вот автобусов и троллейбусов больше! Как в СССР!

– Номера странные, – прошептал Григорий, разглядывая припарковавшуюся легковушку.

– Угу... Штрих код! И иероглифы!

– Это не иероглифы, это руны, – поправил Григорий. – И флаг не Российский.

– Во-во... этот твой, императорский, – поддакнул Степан.

– Имперский, – поправил Григорий.

– Давай выйдем с проспекта к развязке. Там, где у нас суд, у них тоже контора государственная, там вообще флаг конкретно виден, с фашизмом который.

Через десять минут Григорий странно пялился на здание, где раньше, в его реальности, находился районный суд. Архитектурно здание практически не отличалось от его близнеца, но вот следов «евроремонта» не носило. Оно выглядело скорее отреставрированным. Чёрно-золотая вывеска гласила: «Районная справа северной сторонь». Над ней развевался строгий и величественный чёрно-жёлто-белый стяг с красной восьмилучевой свастикой. «Колядник»! – опознал знак Григорий. Его бывшая подруга Лада увлекалась славянской символикой. Бедная девушка не хотела признавать факта, что ей дали имя в честь автомобиля, а не славянской богини. У неё был кулон с этим символом, и она не раз «приседала на уши» Григорию с его значением.

Но больше всего внимание Григория привлек купол храма, выглядывающий за зданием. Григорий тряхнул головой, чтобы убрать наваждение, но оно не исчезало. И Григорий, перепрыгнув пешеходную ограду, побежал, чтобы рассмотреть, прямо через проезжую часть, благо слабое движение транспорта это позволяло. Вслед ему понеслись проклятья Степана. «Стой! Куда! Тут переход рядом!!! Балбес!!!» Но Степан не слушал. Перебежав дорогу, он заворожено смотрел на незнакомую причудливую

архитектуру ранее не виданного храма. На центральной улице пред ним стоял языческий храм – капище. Статуи языческих истуканов, виденные ранее только в книгах, не оставляли сомнений. Сварог, Дажьбог, Перун, Род, Велес, Купала, Макошь, Ярило – смог опознать Григорий. И ещё семерых не смог. Истуканы стояли кругом, блестя серебряными бородами, золотыми волосами и чётко выделенными половыми признаками. А над ними, блестя зеркальным куполом, высилась громада высокой колокольни явно фаллических очертаний.

Сзади подбежал матерящийся в полголоса Степан.

– Валим отсюда пока «яицилопы» местные не заловили! Ты куда понёшься-то? Бестолочь! Тут те не дома!

– Храм! Ты видишь этот храм? Это не Спасо-Михайловский собор! Офигеть хреновина десятиэтажная посреди города!

– Ну видел, – продолжал суетиться Степан. – Ну, на член отдалённо похоже и крестов нет на нём! Ну и что? Храм всё равно!

– Нет! Это Капище! Языческое капище! Судя по колокольне это храм Рода! – почти прокричал Григорий.

– Млять! Двигаем отсюда! Мне всё равно, чей тут храм! Ты зачем нас обоих подставляешь! Ты что не понял по лифту, что здесь, поди, и унитазы с камерами??? У тебя же нет «личинки»! Спалимся!!!

– Какой ещё Нинки? У меня жену Люсей зовут! – удивился Григорий.

– Да вот такой! – Степан показал левую руку, на которой был пластиковый браслет. – Личный навигатор-коммуникатор! Тут у всех такой есть! Вместо паспорта! Биометрический идентификатор, ну и заодно платёжное средство, по-местному «Личник» или «личинка»

– А ты как его добыл? – поразился Григорий

– Слушай, что я советую! Я здесь не в первый раз, а ты в первый! Эти штуки в любом дружинном участке дают! По предъявлению морды лица и отпечатков, в спорных случаях кровь надо сдавать! Когда я в первый раз тут оказался, сразу на местных копов нарвался!

– Они, что, тебя встречали? – ещё раз поразился Григорий

– А они тут без спросу появляются... Млять! Как пить дать, сейчас они движутся по нашу-твою душу. Я когда с лифта весь в пене выскочил... очень громко своё недовольствие выразил. И вот тут они, родимые, и нарисовались. Пытались меня штрафануть, а «личинки» не было! Она тут у них универсальный инструмент. Хорошо, я догадался дурака включить, что, мол, в ходе ремонта лифта авария приключилась и эта самая личинка утрачена оказалась. Они меня пожалели даже. С багажника дали мне тёплый плед в целлофане, у них тут всегда такое возят для разных случаев. Штраф за маты брать не стали, сказали не умышленно, это, мол, у меня вырвалось из-за «неполадного явления»... Ну и укатали меня до своего участка. Им, оказывается, надо было этот плед «списать», а для этого подтверждение нужно было с моей личинки. Я там тупил жутко, но они только головой покачали. Мол, здорово же

тебя огнетушителем шандарахнуло! Сами всё сделали, в общем-то. Опознали меня по своему сканеру, взяли каплю крови по ДНК, активировали «Личинку». Ещё мне в неё качнули звукоряд, ну аудиофайл... для подростков, я так понял – учебный курс по законодательству и действиям в ситуациях разных. Уж, наверное, настолько жестко я там тупил, пытались меня в больничку сдать... но я удрал, отказался, что, мол, надо аварию устранять. А знаешь, у них там такие прикольные комнаты есть для жертв преступлений и лиц в опасном состоянии... «духочинильные»! Экран во всю стену! Диваны мягкие. Стиралка-автомат с функцией сушки и глажки! Млиң, сервис! Пока документы делали, одежду мне постирали и высушили бесплатно.

– Стой! погоди! – остановил монолог Степана Григорий. – Мы, значит, в будущем???

– Да ну... – Степан улыбнулся, сделал пару движений и из его «Личинки» прозвучало: «Местное время: 15.03, сегодня среда 14 Червеня, год 7524 от сотворения Мира, атмосферное давление..., координаты...»

Когда «Личинка» дошла до координат, Степан отключил громкость. Григорий понял, почему этот Личник обзывали Личинкой: голос у аппарата был женский.

– В переводе с местного 14 июля 2016 года!

– То есть, сейчас тот же год, и мы в параллельном мире? И ты там есть в местной Базе?

– Ну да есть... куда бы я делся... только вот, как мне дружинные сказали, по их данным я в отпуске в тёплых краях, так как квартира на тревожке... Пришлось врать... что отозвали по работе... Я так думаю, что по личинке и я в квартиру смогу попасть. Правда, какого лешего местный я, сподобился центр на Кушеевку променять? До сих пор не понимаю...

– А я там есть? – спросит Григорий.

– Поди есть... Вот я думаю, местный фото-видео-робот, что за дорогами следит, сумел тебя опознать без личинки или нет? Есть у них сканер морд лица, на дорожном указателе или нету? Впрочем, сейчас всё выяснится! Вон уже дружинные катят. В общем, заткнись и сделай дебильное лицо... Сейчас мы опять спектакль местным скучающим копам устроим. Не хватало, чтоб нас шмонать начали с нашим-то товаром...

В это время со стороны проспекта уже вырулила жёлто-чёрная автомашина, очертаниями похожими УАЗ-Патриот. С белой аббревиатурой на борту «ДДД» и уже знакомым изображением колядника. Из неё вышли двое мужчин в форменной одежде, одновременно похожей на помесь казачьей формы девятнадцатого века и доспехов имперских штурмовиков из фильмов про «Звездные войны».

– Нарушаем, граждане! – произнёс служитель закона, строго оглядывая внешний вид путешественников на фантастических лифтах. – И правила движения, и внешний вид имеем непопулярный.

– Командир! Всё будет о,кей! – попытался оправдаться Григорий. Чем ещё более обратил на себя внимание служителя закона. Тот улыбнулся и произнёс:

– Ещё и словами нерусскими ругаемся!

Но тут уже засуетился Степан. Он, продемонстрировав чистые ладони, аккуратно бочком приблизился к местному полицая и энергично стал шептать, косясь на друга:

– Ваше благородие, господин дружинник, не в себе он! С лечения убежал! Травмированный он! – и, посмотрев на внешне пышущего здоровьем товарища, уточнил: – Душевно!

– Ну, дык, давайте отвезём его в Лечебницу. Раз беглый, – добавил страж порядка. – С какой врачевальни сбежал?

– Не знаю! Я с ним – Григорием Домашевым – учился раньше вместе, ну и бросился из-под колёс его выдёргивать, когда он на дорогу выбежал.

– Ага! И браслета у него нету! Буйный? – удивился дружинник, наставляя на Григория некий прибор, похожий на пульт от телевизора. – Иннокентий, пробей-ка Домашева Григория ДНК зеркало 2412/66.

– Сделаю! – отозвался напарник дружинника и завозился с приборной панелью автомашины. Вскоре он выглянул с озадаченным выражением и поманил напарника к себе.

– Да! Дела!.. – удивился старший дружинник. Он потянулся к рации и доложил:

– Наряд 626. На Кутузова разобрались. Обстоятельс тво: четыре, ноль. В управе доложу.

Потом дружинник поманил к себе Степана. И тихо, явно чтобы замерший столбом Григорий не слышал, сказал Степану:

– Ты хоть в курсе, что дружинец твой – Зачинный староста манежного совета? По раскладам, он сейчас в Ляхских землях. В общем, домой его везти надо, на Слободскую сторону. Так считаю, что Городской голова огласки не захочет. Яко ж это недобрая слава пойдёт, коли общество знать будет, что зачинные люди Совета с разумом не дружат. Давай так сделаем. Я вас двоих свезу до его палат. Поди, челядь дома, пристройшь его под надзор, как знакомец. Нам дюже долго потом обывателям разговлять, чего мы важных людей под конвоем доставляем.

– Ну так, я согласный, – пропищал на местный манер Степан.

– И чего вы тут про меня наговаривали? – сказал рассерженный Григорий – Что, в клоповник меня определили? Что за базар тут вообще старорежимный?

– Проходите! Присаживайтесь, ваше вежество, мигом домчим до подворья! – подчеркнуто вежливо сказал дружинник, открыв дверь для пассажира. И подмигнул Степану. Тот поспешно кивнул и, взяв Григория под руку, тоже забрался на заднее сидение полицейского автомобиля.

Половину дороги Григорий набычено молчал и смотрел на проносящиеся мимо пейзажи, бубня что-то себе под нос. Затем не выдержал и спросил притихшего Степана:

– Ты глянь, сколько едем, а рекламы нету! Им, что, тут баксов не надо?
– Какие такие «банксы»? – удивился дружинник, услышавший разговор.
– Доллары, – автоматически пояснил Григорий.
– А на кой ляд нужны эти доллары, если за них статья предусмотрена в уголовном уложении? – удивился дружинник.

– Ага! Ясно с вами! Частное предпринимательство тоже, надо полагать, преступление? – зло огрызнулся Григорий, он вообще был весьма раздражён, догадавшись, что его выставили психом.

– Частная предприимчивость поощряется Русской Правдою. А вот стяжательство и ростовщичество не может быть основой для личной наживы. Сие есть преступное сомыслие против Рода!

– Песец! – отозвался Григорий.

– Собака побежала, – тут же пояснил Степан, видя недоумевающего младшего дружинника.

Дружинник-водитель многозначительно хмыкнул и покачал головой. Второй дружинник подмигнул Степану, глянул на панель служебного планшета и спросит:

– Ваше вежество! Не извольте гневаться, но должно для порядка вызнать нам, самоход вы свой тут случаем не бросили? Не нужно его доставить до вашего подворья?

– Самоходов, самосвалов и самокатов не юзаю! Из тинейджерского возраста вышел, ещё бы про песочницу спросили! – хмуро отозвался Григорий.

– Эк то... сразу видно, Ваше вежество в иноземщине долго обреталось. Половины слов с ходу и не сразуемо, – сказал дружинник и пояснил: – Вот мы сейчас на самоходе едем. Служебном. А у Вас есть личный самоход баварского построения, такие уложено в сараях зачинных хранить. Ибо на ночь не потворствуется оставлять самоходы на открытом месте.

– Зело! Паки! Иже херувимы! – пробормотал в ответ Григорий, которого начал выводить из себя этот странный «псевдославянский» язык, на котором говорили местные.

Степан прильнул к Григорию и зашептал в ухо:

– Кончай барагозить! Щас шокером двинут или вообще в дурку свезут! Тут вообще никакой демократии, нафиг, нету! У них частную машину только господа имеют. Остальные на троллейбусах! Если рожей не вышел – и хоть об стену бейся, машины не видать, вещь статусная. Тебе вообще подфартило. Не знаю, что за зверь этот зачинный совет, в котором ты числишься, хрень, поди, навроде Думы нашей, но в район мы элитный заезжаем.

Местность действительно заметно отличалась. В действительности путешественников в параллельностях в этих местах были Торговые центры и гостиница, здесь же ступеньками стояли громадные жилые дома, смахивавшие дизайном на ацтекские пирамиды... только тридцати и выше этажей

Очень оригинально выглядели стрельчатые столбы, выстроившиеся вдоль дороги, с шаровидными конструкциями сверху.

– Нафиг налепили такие уродские фонарные столбы?! – громко высказался Григорий.

– А в ляхских землях светосильные щиты и лучемерные установки другого вида? – спросил местный полицейский...

«Чтоб я сдох! Это же силовое поле и лазерные установки! Они что, отгородили этот район от остальной части? Это что тут за технологии-то?» – удивился Григорий.

– Там... э... выдвижные... спрятанные... – соврал Григорий.

– О! Ишь чего коварные ляхи измыслили! Скрытно бронные заслоны крепят!

– Нехристи... – поддакнул Степан.

– Та тожь, знамо-понятно, тож словене! А все словене розмысли знатные! Не долго томиться им под игом ЕвроГурту!

«Я от этого славянского суржика скоро дураком стану! У меня голова уже пухнет разгадывать смысл того, что они мелят своим языком! А ещё больше от того, что боюсь ляпнуть не в строчку!» – подумалось Григорию.

Наконец они приехали. Полицейские-дружинники пошептались с Степаном. После чего Степан манерно взял Григория под руку, и они чинно пошли в сторону жилых домов.

– Если бы у тебя была прислуга в квартире, ты заставлял бы её пахать, пока ты в разъездах? – заинтересованно спросил Григория Степан.

– Нету у меня её! – ответил тот.

– Ну, это мы выясним...

Он подошёл к домофону возле подъезда и стал с ним колдовать. Очевидно, нажал нечто не то, так как вскоре появился хмурый человек с бакенбардами! Настоящий швейцар! Он был одет по моде 18 века в некое подобие помеси ливреи и кафтана.

– О! Ваше Вежество! Григорий Ерофеевич! Так рано возвратались! А мы и не ждали Вас, до понедельника! – сказал мужчина в ливрее, недоумённо рассматривая одежду гостей.

Во избежание очередных недоразумений Степан подскочил к нему и бесцеремонно стал шептать прямо в ухо

– Мил человек! Не видите, он не в себе находится. Ему надо отдохнуть! Обстоятельства так сложились! Душевные волнения! Я его провожаю. Есть у него кто дома? А ключи запасные есть?

– Дык, барин в холостяках ходит, а прислуга по заведённому порядку распушена. Я, конечно, провожу. Про ключи не ведаю, на дверях перстовые запоры давно уже стоят.

– Голубчик! Проводи нас! Сделай милость!

– Всегда пожалуйста, с нашим почтением, господа! – покачав головой, привратник повёл их вглубь коридора. Вскоре они оказались перед дверями, на которых вместо номера висела позолоченная табличка: «Зачинный староста Манежного совета. Советник второго разряда Григорий Ерофеевич Домашев».

Григорий взялся за ручку. И дверь открылась.

– Поздорову, хозяин! Подтвердите гостевой ряд постороннего! – встретил их женский голос с механическим акцентом с потолка.

– Подтверждаю! – ответил удивлённый Григорий.

– Гостевой ряд присвоен, – ответил голос и замолк.

«Однако тут голосовое управление! Надо же "живой дом"!» – поразился Григорий.

– Да тут много чего понатыкано, вот только фиг это просто так купишь! – сказал Степан, направившийся к стойке с баром. Ибо ничем иным композиция в виде пирамиды из бутылок и фужеров быть не могла. – Однако зачинные старосты не бедствуют! И сухой закон на них, видимо, не распространяется!

Степан налил себе в высокий стакан грамм триста чего-то светло-золотистого и залпом осушил емкость.

– Слабовато, конечно, но пить можно! – констатировал Степан, по хозяйски усаживаясь на мягкий диван.

– Ты б тут не хозяйничал... А то хозяева... – начал было Григорий.

– Тут оне! Возверстались с ляхских земель до сроку! – сказал Степан и рассмеялся. – Ловко я на местной мове наловчился балакать? А ведь месяц назад тоже, как ты, глаза только тарачил! Тут, главное, основной принцип допетрить! Не употреблять англоязычные слова и вставлять всё, что вспомнится из русской классики времён Пушкиных и прочих Ломоносовых! Жизнь тут, по-местному, кстапи, уклад называется, застряла в веке девятнадцатом, а техника местами в двадцать втором, наверное...

– Ну, я бы не сказал, что тут прям-таки «Хай-тек» цивилизация! Вместо машин – самоходы какие-то!

– Не спеши, друган, с выводами. Тут это, как у фантаста Гаррисона: Цивилизация статуса! Тут сословие – ого-го что значит! А гривны и куны, деньги ихние, только приложение к разряду сословия. Вот запустим местный Интернет – который «Сетевязь» называется – сам «нагуглишь», вернее «сразуешь». Например, кто в армии или иной госслужбе установленное время не служил, тот просто житель! Не гражданин... не людь! Но тебя такое не касается, у тебя с сословиями всё в порядке... не то что у меня, сирого и убогого... По разрядам не знаю точно, но вроде как по местной табели рангов разрядов четырнадцать. И чем меньше номер, тем выше крутость. Это я удачно тебя притащил... Будет где развернуться! Главное с твоим местным оригиналом не встречаться!

– Так! Стоп! Стоп! Насколько понимаю, этот мир параллельный? И мы в нём, получается, тоже есть? Но когда произошли события, разделяющие наши миры? Когда была точка бифуркации? Если давно, то не должны были наши клоны тут быть!

– Про твою фукацию я ничего сказать не могу. Но Октябрьская революция, Великая отечественная, Сталин и Хрущев тут были. Даже Горбачев. А вот потом... В общем ГКЧП тут не было, а был и есть

великий Кормчий и Учитель Владимир Сварог Ясное Солнышко, в миру Владимир Листопадович Язь или, по староукладному, Владимир Октябрьнович Язев!

– Кто???

– Я ж сказал: великий учитель – объединитель славянских земель, создатель Руси местной, которая Родная...

– И как это, интересно, эта Русь с США уживается?

– Да никак... Нету уже этих США давно! После войны всё, что было, то и распалось, и, кстати, Аляска снова наша!

– Стоп! Какая такая война? Когда?

– Я не присутствовал, да и эти родноверы свой календарь ввели! Выражение «от рождества христового» нигде не упоминается теперь! Но чисто умозрительно... девять лет назад, где-то около того, пульнули по США с двух сторон атомными торпедами и смыло у них там всё Тихоокеанское и Атлантическое побережье... Кубу жалко с Мексикой, конечно, ну вот так случилось... О! Вон смотри у тебя на письменном столе глобус стоит! Сам позырь!

– Анахронизм сплошной! Компьютеры, говорящие с потолка! Замки на дверной ручке, считывающие отпечатки! И глобусы! – ворча, Григорий стал вертеть глобус с полипической картой, всматриваясь в названия стран и очертания континентов. Панамского канала не стало, Столицей Конфедерации Североамериканских штатов стал город Мемфис, с какой-то радости ставший портовым. Чикаго же оказался столицей Свободной территории Южной Канады... Григорий перекрутил на Евразию...

Что сказать... ну не был Григорий большим знатоком, но такое не заметить было трудно. Место России занимало, как не трудно догадаться, Родна Русь, поглотившая практически все территории СССР, кроме Казахстана, ставшего вдруг Китайским Севером...

– Ты на компьютер пароли ставишь? – спросит Степан. – Нет? Тогда сам разберёшься – Степан протянул товарищу что-то плоское, круглое и с голубой подсветкой по краям. – Это местный планшет. Тарелочка, понимаешь, с голубой каёмочкой! Там всё просто!

Всё, действительно, было не так страшно. На местной клавиатуре несколько напрягало отсутствие латиницы, вместо которой были обозначены некие руны. Но в целом программная оболочка «светозар» напоминала «Андроид», но вместо «Интернета» была «Светосвязь». Из-за обилия рунических знаков походило всё на какую-то корявую локализацию для гномов. Википедия тут называлась «Баюн», вместо информационных порталов – «Веды». Выбрать иной язык, кроме русского, было физически не возможным! Как попасть на иноязычные сайты? Да, похоже, никак!

Если отбросить шелуху пропаганды, вырисовывается следующая картина. Страна находится за железным занавесом и под стальным колпаком. Уровень жизни тут в целом достаточно приличный, роскоши только не

наблюдается. Она есть, но фигурирует только в новостях о репрессиях и конфискации у «вражин люда». Критики «режима» тоже никакой нету. Иностранные слова хоть и не запрещены, но считаются дурным тоном. Вместо них местные напридумывали много новых слов и значений со славянскими корнями. Литература 18-19 века считается классикой, и на её основе языковая норма и создается. Отсюда этот странный суржик.

Раскрылась тайна редкости легковушек... Они, де, оказывается, создают пробки и мешают транспорту (самоходам) перемещаться. Поэтому их доверяют только «заслуженным» людям или водителям-профессионалам (мастерам). А вот метро и монорельсы тут распространены, как и троллейбусы (электроходы). Судя по текстам в новостях, местное общество успешно побеждает очереди за «редкостями» (дефицит тот самый). Хлеб, масло, молоко в них не входит... Степан сказал, что в дефицит входят водка, курево, иностранная музыка и резиновые женщины и прочие эротические игрушки... Но всё это без риска загреметь за нарушения закона приобрести, а тем более продать невозможно.

В СМИ нахваливали качество Роднорусской продукции в сравнении с иностранной. Рекламу тут называют – похвальба. Основной слоган: Роднорусское – значит, отличное! Дабы, мол, не расточать богатства Матери-Макоши, узлы и составники самоходов несменяемы на протяжении десятков вёсен и послужат ещё внукам.

Прочитав всё это, Григорий не выдержал:

– Вообще, я согласен, одноразовые вещи меня бесят... Но меня разочаровывает, этот никакой контент их видео-хостингов и онлайн-трансляций! Везде интервью этого Язя, учителя Великого! Октябрьновича-Листопадовича! Балет и всякое хоровое пение! Где Ургант? На рабочем столе у этого «меня альтернативного» всякая ерунда по физике частиц и историческому анализу. И вся эта лабуда на этой славянской фене! Ты представляешь себе физику на этом суржике? Мне вначале показалось, что это зашифровано всё! Степа, ты меня слышишь?

Степан в это время ковырялся на кухне, потроша холодильник и бар на вкусоности.

– Да слышу, слышу! А вот я за месяц блужданий приспособился, – ответил Степа, прожёвывая что-то похожее на булку с бужениной. – По мне, так эта иностранщина у нас тоже удержи не знает! Простидежераторы-рефрижераторы, коверкинги-тверкинги! Тьфу! Лабутены! А тут хоть и потешно, и оригинально! Мне так нравится! Особенно нравится, что Америка – буль-буль!

– Америка, к твоему сведению, при всех их перегибах – наиболее богатейшая, прогрессивная, свободная и демократическая страна! – возразил Григорий.

– Была! – ответил Степан, закончивший с холодильником и отправившийся снова перебирать склянки в баре. – Я, пожалуй, водку тут оставляю. Мы же сюда вернёмся? Тебе советую с шкафа трикушек и

труселей местных домой утащить. Им сносу нету! 50 лет гарантии! Композиты! И обувь, наверняка, тоже... Тут всё делают из неразрушимых материалов... на века! Роднарусь! Порнухи тока нет для счастья!

– А вот мне ещё, что странно, почему привратник не удивился, что ты со мной? – Григорий задумчиво уткнулся с круглый иномирский планшет.
– Ну-ка, ну-ка! Ага! Мы и тут общаемся! Гляди! Это же ты!

– Розмысел верходвижных махин Степан Ремизов? Гостевой статус одиннадцать раз? Это что, я тут, типа, инженер по лифтам? – удивился Степан.

– Интересно! Жаль, тут нет никаких флешек вообще! Я бы свою тутошнюю усатую фотку в мундире с молотками перекинул бы на аватару «в контакте»! Ладно, подкрепились, пора и домой... Ты со мной или тут останешься?

– Пошли... пожалуй... завтра снова сюда прошвырнёмся! Надо эту личинку поставить... и, может, попутешествуем?

Молодые «лифтонафты», действительно, на следующий день собрались дальше исследовать загадочную цивилизацию «Роднарусь». Но сколько бы они не жали комбинации кнопок, волшебный лифт куда их не привёз. Через полтора часа мучений, а также нескольких скандалов с жильцами, пытавшимися воспользоваться лифтом по назначению, они поняли, что всё закончилось...

Мужики сидели в баре. Степан ковырялся в вазочке с арахисом. А Гриша распутывал кальмаров. Они прикончили уже два литра светлого и нацелились на третий.

– Есть у меня соображение одно, почему нас «забанили». У меня альтернативного много файлов по истории в этом блюде... А ведь если мы там общаемся, может, мы и там на лифтах ещё в какие миры катаемся? А если не можем попасть туда, то, может, лифт уже занят нами-параллельными? Или даже наоборот, если мы-тамошние в лифте, то и мы-тутошние можем переместиться?

– Фиг его знает! И то – бред, и другое – бред! Ну это нафиг! Вся та «славянская» цивилизация нереальная! Не настоящая! Как можно не бухать? Вот как можно настолько всё это... релампи, релативи... тьфу! Регламентировать! – неожиданно эмоционально воскликнул Степа.

– Ага. Глючная! – согласился Григорий. – Вот как я понял, расхождения начались в конце 80-х. СССР не стало! Но дальше всё пошло как в каком-то фантастическом романе про альтернативную историю! Всё не так! Всё прямо карикатурно наоборот! Тирания откровенная вместо демократии, эта вот государственная идеология, причём основанная на откровенном бреде и «фэнтэзийности» какой-то! Велесы, Макоши и прочая петрушка!

– Ну... дилогия там это самое действительно... и календарь – чокнуться можно! Правильно, что мы слиняли, а то там бы остались...

– Думаешь, мы не смогли бы там жить? Или ты намекаешь, что там я в дамках, а ты простой работяга? А вот если бы ещё какой финт история завернула? Могло бы быть же наоборот? Ты бы был бы боярином, а я смердом? Мы же бы друг другу все равно помогли бы! – Григорий так

разошёлся, что посетители бара неодобрительно начали оглядываться на их столик.

– Угу, могли-помогли! Но вот ты сам видел, там эта, как в Индиях, кастованная система! Эта как её... сословная патриархия! Или нет... иерархия. Вот! И если родишься там баобабом, то и будешь баобабом! Родовая система! Ты прикинь? Деньги есть, а машину – фигу те, не купить! Рылом не вышел! Вроде как все вежливые, да... аж кланяются! Но вот не такая ментальность у них!

– Ментальность? – поправил Гриша лифтёра-философа. Я не верю, что всего за тридцать лет можно так людям мозги промыть! Вот даже взять период двадцатого века, сколько потребовалось создать «совка»? Пара поколений! А тут всего одно поколение умудрилось жить в нескольких формациях!

– Кончай заумными словами лаяться... Формации, фрикции. Вот те не пофиг, почему, по кочену, там всё у них? Может, у них в храмах стоит такой прожектор для гипнозу! И он там всем мозг вынес! Это ж надо было Америку утопить! Америку!

Григорий Домашев собрался было припомнить очень умную мысль собеседника, что Америка сама напросилась, но его отвлекли.

– Я очень извиняюсь, господа. Я совсем не желал подслушивать. Но ваша дискуссия не оставила меня равнодушным! Разрешите мне присесть? – напротив них стоял мужчина неопределённого возраста, неопределённого состояния, но живописно помятый, небритый и пахнущий... чем-то кислым. Новый собеседник бомжеватой внешности уселся за свободный стул и, плотоядно глянув на стоявшую на столике бутылку пива, продолжил свой монолог, не дожидаясь ответов.

– Как я понял, вы обсуждаете вероятность существования других цивилизаций и иного исторического пути нашей страны? Наша страна всего лишь мелкий кусок суши и ещё более мелкий кусок человеческой массы на планете! А наша история имеет столько загибов, что даже трудно все перечислить! Хан Батый, Петр Первый, Ленин, Сталин и прочие исторические личности каждый раз лепили совершенно невообразимое с нашей страной! У меня сложилось очевидное мнение, что всё это подстроено! Либо мы живём в виртуальной реальности! – гость закончил свой монолог и, вопросительно глядя на нас, со словами: – Разрешите? Что-то пересохло... – присосался к вожденной бутылке пива.

– Так вот! – продолжил он, добив за неполную минуту пол-литра хмельного напитка. – Вы знакомы с квантовой механикой? Вернее, с её парадоксами? Ну там волновая природа света, стрельба электронами через преграды с прорезями? Нет? Жаль... Но не суть. Так вот получается... машина времени – это очень допустимая реальность!

Степа и Гриша переглянулись. А пьяница-эксперт продолжил:

– То, что я услышал из вашей беседы про славяно-арийский путь Евразийской цивилизации мне показалось интересным, так как я этой

проблематике посвятил изрядную часть своей жизни. Я лично считаю такой путь наиболее эволюционно правильным, это именно цивилизационный и мировоззренческий вопрос! Ну с натяжкой можно, конечно, его обозвать интеллектуальным расизмом. Но это поверхностное впечатление! – бродяга продолжал сыпать фактами, теориями и примерами. А Григорий и его друг-лифтер буквально обтекали – настолько этот бред смахивал на то, что они вычитали, находясь по ту сторону лифта.

Гриша заметил, что Степан начал нервничать, подавать взглядом знаки, затем Степан прошипел ему в ухо:

– Клиент, с той стороны! Однозначно! Он нам лифт поломал!

– Гм... уважаемый! Всё так интересно. А вы не можете нам представиться? И паспорт желательно показать? – достаточно твёрдо спросил Григорий.

– Да... простите покорнейше! Я, очевидно, увлёкся... Меня зовут Владимир Октябрьнович Язев. Я сейчас временно нахожусь в затруднённых жизненных обстоятельствах. У меня нет работы, да и жилья... и из документов только справка... Нет! Не из тюрьмы. Из больницы... Не обращайтесь внимания на диагноз в начале! Там в конце написано, что я излечился и совершенно не опасен для общества! – божм протянул нам бумажку, завернутую в потрёпанную мультифору.

– А те знакомо такое слово «Роднарусь»? А? – бесцеремонно спросил Степа-лифтер.

– «Роднарусь»? Ну да! Ещё, кажется, в 1989 году... в Челябинской области группа учёных обнаружила легендарный Аркаим. Вот тогда стали говорить, что нашли древний «Род Руси». Некоторые волонтеры-археологи так называли эту местность «Роднарусь» или похоже... Увы, я не смог по личным обстоятельствам, там дальше работать... У меня проблемы со здоровьем начались, знаете ли...

– В психушку сдали? – не выдержал Степан, потрясая справкой.

– Да... – после паузы выдохнул Владимир Октябрьнович. – Видите ли, со мной случилось одно непонятное явление. Вы мне не поверите, да никто мне и не верит... 1992 год, распад СССР, понимаете ли. Я был молод, хотел революции. Вот... Нет! Не хочу это всё вспоминать и рассказывать...

– А если ещё выпивки принесём, расскажешь про «непонятное явление»? – не выдержал Григорий Домашев, с ужасом понимая, где он уже слышал фамилию, а главное отчество незваного гостя...

– Ну... конечно, почему не рассказать, двум таким симпатичным и интересным людям. Только обещайте не смеяться и не драться!

Григорий мигнул напарнику по «лифтовым приключениям», и тот шустро буквально скачками умчался к барной стойке за выпивкой.

Владимир Язев помял в руках засаленную кепку, которой прикрывал зальсину и аккуратно отхлебывая принесённое спиртное, продолжил рассказ.

– В тот зимний вечер я возвращался с так называемого «квартирника», где собирались неравнодушные к истории Руси молодые

люди. Меня встретили два зловещего вида странных человека. Я долгое время считал их инопланетянами и даже представителями потусторонних сил. И я был абсолютно трезв. Впрочем, может, и пьян. Уже сам не уверен. Мы с ними поспорили, как раз на ту же тему, что и вы сейчас. Про варианты Славянской объединяющей идеи. И тогда они, применяя насилие, уволокли и заточили меня в некий тесный подвал.

– А может в лифт? – не выдержал Степа.

– Может, и в лифт... Гм... не думал я это так назвать, но, и правда, похоже... Когда я очнулся, они повели меня по другому иному городу. Ужасному будущему! Или ужасному прошлому? Там остался СССР. И он проиграл войну. Вокруг были руины, разруха. И мне сказали, что вот так выглядел бы окружающий мир, если бы СССР остался. Я не хочу вспоминать подробности, это мерзко и жутко! Странно да? Они явно таскали меня в прошлое! Я же разбираюсь в истории и вижу, и узнаю всё по технологиям даже в виде руин! Но мне они говорили, что в прошлое нельзя переместиться! Только в будущее и то параллельное. Не знаю, что они от меня хотели. Мне кажется, они хотели внушить мне мысль, что мы, т.е. жители нашей Родины, недостойны счастья и вечно всё портим. А всё, что полезного происходит, это влияние неких сил, которых эта парочка представляет! Согласитесь, это же бред? Могут ли существовать такие параллельные миры? И путешественники в них?

– А я, блин, верю в путешественников! – Степан схватил бутылку, налил полную кружку и под недоумённым взглядом однофамильца параллельного диктатора присосался к ней.

Несостоявшийся Великий диктатор, лидер нации, величайший вожь двадцать первого века недоумённо воззрится на лифтёра и пожал плечами.

– А мне не поверили, так я оказался в психлечебнице, на девять долгих лет... и потом через некоторое время снова...

– Походу, брат, эти «параллельные» снова вмешались... уже в твою судьбу, – сказал Григорий и тоже налил себе полную кружку.

– Я всё-таки думаю, что теория параллельности менее обоснована. Теория временных сдвигов, мне кажется более подходящая! А ещё более подходит теория, что мы живём внутри как бы компьютера, и мы там просто программы! А кто-то сидит и щёлкает тумблерами! Захотел так, захотел эдак! Мы все как бы в мире, которого нет и не было! И быть не могло! – заявил гипотетический великий Кормчий и Учитель Владимир Сварог Ясное Солнышко, в миру Владимир Листопадович Язь, таким тоном, с каким вероятно несколько лет в психбольнице спорил с Наполеонами.

– Ну в этом, ты, Вожь, как всегда прав... Только чёрт разберётся, какой мир правильный! – Григорий улыбнулся и налил несостоявшемуся императору и вождю остатки пива.

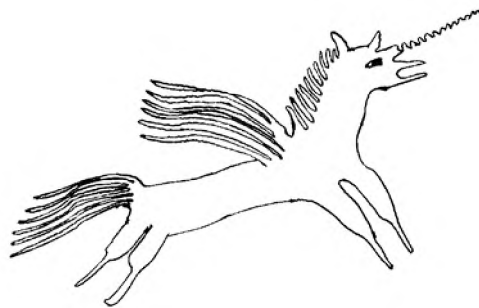
Все обстоятельства вымышлены, любые совпадения случайны.

Содержание

<i>Инна КИМ</i>	
Сны Иситы.....	4
<i>Марита ЗОТОВА</i>	
Однажды в Валахии.....	18
<i>Маргарита ЛАНИНА</i>	
Хороший человек.....	31
<i>Дмитрий СЕМЕНОВ</i>	
Лифт на Роднарусь отходит по средам.....	40

На первой странице обложки – рисунок «Роли» Веры Афанасьевой
г. Алчевск (Луганская обл.), Украина

Тираж 50 экз.

Издательство «Ник без Компані»